

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Учредитель – МВД России
Издатель – Главное командование внутренних войск

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.

Редакционная коллегия:

АРТИХОВ Е.А., архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан (АШУРКОВ И.А.),
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., БОЛТИКОВ В.В.,
БЫСЕНКОВ И.С. (ответственный секретарь),
ВИННИК В.В., ГРЕКОВ В.И., ЕРМАКОВ П.И.,
КАЗАКОВ Н.Н., КАЛИНИН В.В.,
КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С. (зам. главного редактора),
КОРОБЦОВ Д.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
МАКОЕВ Т.К., МИХАЛЕВ А.Н. (зам. главного редактора),
НИКУЛЬШИН А.В. (зам. главного редактора),
ПАНЧЕНКОВ В.В., ПОРТНОВ С.А.,
СОФРОНОВ И.Е. (зам. главного редактора),
ТОНКОНОГОВ В.П., ЧЕПЯШЕВ С.К.,
ШАРЫПОВ Р.Н., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление БОЛТИКОВ В.В.

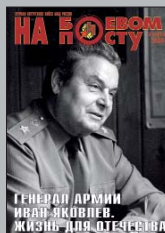
Верстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-методических
материалов "Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка
на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имён собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений – рекламодатели, за качество печати – типография. Переписка с читателями ведётся только на страницах журнала.

На 1-й странице обложки:

Фото
Олега СМЕРНОВА

■ Индекс

для подписки через
агентство "Роспечать" —

70 610

Сдано в набор 21.07.2008. Подписано к печати 21.08.2008.
Формат бумаги 60х90 1/8. Общий тираж изданий 15000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 201.

Отпечатано в типографии редакции
журнала "На боевом посту" внутренних войск
МВД России
111250, Москва, Красноказарменная, 9а

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57
E-mail: vvpst2006@yandex.ru

© Журнал «На боевом посту», 2008

Полковник запаса
Борис
КАРПОВ
Военный обозреватель

На роль личности в истории можно смотреть по-разному: историки, общественеды, политологи, психологи и философы подходят к одному и тому же предмету исследований со своих точек зрения, либо узко сфокусированных, либо широко панорамных. И правоту каждого попробуй, непросвещённый, оспорить.

Сегодня, когда отмечаем 90-летие генерала армии Ивана Кирилловича Яковлева, когда оцениваем его вклад в развитие внутренних войск МВД СССР в период с 1968 по 1986 год, большинство оценок сводятся к одному, положительному выводу: он был истинным реформатором, созидателем, энтузиастом, патриотом.

По собственному его признанию, в конце 60-х, когда принял высокую должность начальника ВВ МВД СССР, он "увидел войска, забытые Богом и начальством". За глаза и в глаза и армейские генералы, и простой обыватель называли наши войска полувойсковыми формированиями, "вохрой". Это было хотя и обидно, но во многом справедливо. Войскам нужен был военачальник, способный коренным образом переменить и облик, и психологию войск правопорядка, предназначенных изначально для "охранения тишины и спокойствия" в стране, но и готовых в любую минуту, при любых обстоятельствах отразить супостата.

Крестьянский сын, прошедший две войны, окончивший две военные академии, он за свою многообразную и многотрудную службу испытал всякое. На фронте не раз ходил в ожесточённые атаки, когда "была не была!", не раз держал оборону, когда отступление смерти подобно... В послевоенное время учил свой танковый полк и свою механизированную дивизию тому, что необходимо на войне. Научился и "мозговым атакам", когда создавал уставы и наставления, вносил свой вклад в развитие суворовской науки побеждать.

Кандидатуру на должность начальника внутренних войск МВД СССР выбирали из числа генералов окружного уровня, командармов. Претендентов было несколько десятков, а кадровое аттестационное "сито" многослойным: МВД, Генштаб, Совмин, ЦК КПСС. Решающее слово произнёс генсек, и слово было: "Надо!" Ивану Кирилловичу надо было принимать на свои плечи ношу, которая далеко не каждому многозвёздному генералу по силам.

Для генерала И.К. Яковлева начался новый, самый долгий и самый сложный, самый наполненный и ответственный период его службы, в который он вступал не без опасений и тревоги, но о котором впоследствии говорил как о главном деле своей жизни.

Говорят, что "время покажет", "история расставит всё по своим местам". Время показало, что тот выбор в 1968 году был верным. Генерал И.К. Яковлев оправдал "высокое доверие партии и правительства", но что важнее — он оправдал надежды многотысячных войск, для которых был истинным отцом-командиром, чем заслужил нашу искреннюю признательность и благодарную память.

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА МВД РОССИИ ВОЕННАЯ СЛУЖБА ПО КОНТРАКТУ

СТАНЬ ОДНИМ ИЗ НАС!

14

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ

**15 ЗАЩИТА СТРАНЫ –
СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО**

БОЕВАЯ УЧЁБА

**18 СПЕЦНАЗУ ЕСТЬ ЧЕМ
ГОРДИТЬСЯ, ЕСТЬ К ЧЕМУ
СТРЕМИТЬСЯ!**

18

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

22 РАССКАЗ О СУРОВОМ ДРУГЕ

**26 СОН В ЛЕТнюю НОЧЬ.
НЕ ПО ШЕКСПИРУ...**

СЛУЖБА

30 БОЕВЫЕ ТРУЖЕНИКИ НЕБА

34 КЛЮЧЕВАЯ ШЕСТЕРЁНКА

ТЫЛ И СНАБЖЕНИЕ

**38 С КАЖДЫМ ГОДОМ МЫ
СТРОИМ ВСЁ БОЛЬШЕ**

СОДЕРЖАНИЕ

**РУКОВОДИТЕЛИ
ВОЙСК**

**ГЕНЕРАЛ АРМИИ ИВАН ЯКОВЛЕВ.
ЖИЗНЬ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВА**

4

42 ТЫЛ К РАБОТЕ НЕ ОСТЫЛ

ЛИТЕРАТУРА

54 ПРОЩАНИЕ С КАРАБАХОМ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

**48 “ВОТ КТО БЬЁТ ФРИЦЕВ
ОПТОМ!”**

**62 ЖИЗНЬ, ТЫ МНЕ РАДОСТЬ
ЕЩЁ ПОДАРИ...**

**64 ТРИЖДЫ НА ВОЛОСОК
ОТ СМЕРТИ**

34

ВЕРА

**51 ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ЦЕРКВИ И АРМИИ
ПРИОБРЕТАЮТ ВСЁ БОЛЕЕ
КОНСТРУКТИВНЫЕ ЧЕРТЫ**

42

5 августа нынешнего года исполнилось бы 90 лет со дня рождения генерала армии И.К. Яковлева, командовавшего внутренними войсками МВД СССР с 1968 по 1986 год. Вот уже шесть лет нет с нами этого замечательного человека, но память о нём живёт в сердцах его соратников, друзей, сослуживцев. Накануне юбилея Ивана Кирилловича ветераны внутренних войск И. Мельник, Н. Крупин, Д. Наливалкин, Е. Чусов, А. Ермолов, А. Копанев, Т. Агамян, Г. Артемьев, М. Бойко, В. Чувиляев, Н. Иванов прислали в редакцию журнала "На боевом посту" письма с воспоминаниями о легендарном командующем. Генералы и офицеры с искренней благодарностью и душевной теплотой рассказывают о его огромной роли в развитии войск правопорядка, об уроках, полученных в "школе Яковлева". Ранее на страницах журнала и газеты "Ситуация" была опубликована часть этих писем. Сегодня мы продолжаем знакомить с ними читателей. Благодарим всех, кто откликнулся на призыв поделиться воспоминаниями о видном военачальнике Иване Кирилловиче Яковлеве. Его жизнь – всем нам пример.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ ИВАН ЯКОВЛЕВ. ЖИЗНЬ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВА

**Генерал-майор в отставке
Иван ЗЮКИН,
в 1974 – 1987 гг. начальник
оперативного управления –
заместитель начальника
штаба ГУВВ МВД СССР**

БОЕГОТОВНОСТЬ – СВЯТАЯ СВЯТЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК

Вскоре после своего вступления в должность начальника внутренних войск генерал-лейтенант танковых войск (именно таким было его воинское звание) И.К.Яковлев пригласил меня к себе и спросил, согласен ли я продолжать службу в занимаемой должности. Я ответил, что готов трудиться в главке, поблагодарил за доверие.

Под руководством Ивана Кирилловича мне пришлось работать восемнадцать лет, из них тринадцать начальником оперативного управления – заместителем начальника штаба. А из первого нашего разговора запомнились его слова о том, что предстоит большая работа по коренному изменению наших внутренних войск, всей их служебно-боевой деятельности, всего уклада жизни. Затем, пройдясь неспешно по кабинету, словно обдумывая что-то глубоко сокровенное, он добавил, что задача эта очень нелёгкая, но выполняемая.

Действительно, во внутренних войсках было немало нерешённых и труднорешаемых проблем. Думаю, нет нужды здесь их перечислять. Отмечу только, что на самом деле состояние значительного числа воинских частей было на уровне неких военизированных формирований со всеми их сложностями, условиями, традициями. Особенность состояла и в том, что немало офицеров и чиновников всех уровней власти, мягко говоря, примиренчески относились к такому ненормальному положению вещей.

Это подтвердилось сразу же при первых выездах в войска. В начале лета 1968 года я был включён в первую комплексную комиссию главка, которую возглавлял генерал И.К.Яковлев. Работали в частях, дислоцированных в Архангельской области.

КШУ проведено. Предварительные итоги

Едем по узкоколейной железной дороге. Вдоль неё видим расположения подразделений, десятки войсковых нарядов, несущих службу. Делаем кратковременные остановки. Вникая в обстановку, из бесед с солдатами, офицерами, начальниками охраняемых объектов узнаём о недопустимо трудных условиях службы, колоссальной нагрузке на личный состав, просто жутком быте, о многих других нерешённых вопросах. При обсуждении проблем офицеры и представители охраняемых объектов открыто, порой в резкой форме высказывали неверие в возможность исправления положения дел. Смысл высказываний сводился к следующему: много тут до вас бывало руководителей, многое они обещали, а воз и ныне там. Вот и вы вряд ли что измените...

Однако вся последующая жизнь внутренних войск опровергла мнения скептиков. По окончании работы комплексной группы были сделаны всесторонние серьёзные выводы, подготовлены конкретные предложения, намечены мероприятия по коренному преобразованию всей деятельности частей и соединений, всех войск. И, что очень важно, изыскивались внутренние резервы. В

то же время были направлены соответствующие представления в вышестоящие инстанции.

О работе первой комплексной комиссии под руководством начальника внутренних войск вспомнил сегодня потому, что, во-первых, это было событием, положившим начало коренным переменам в войсках. Во-вторых, мы прочувствовали, что одним из главных принципов в работе самого Ивана Кирилловича было – зри в корень, дойди до сути. Так мы с ним работали и впредь...

В короткие сроки были разработаны и направлены в части фундаментальные нормативно-правовые документы: Устав боевой службы, Наставление по службе штабов, которые готовились под личным руководством и при участии генерала И.К.Яковлева. Структур для подобной работы в главке не было, уставная комиссия была нештатной, в неё входили руководители управлений и отделов, офицеры-направленцы без освобождения от выполнения своих должностных обязанностей. Но все хорошо понимали, что без этих и некоторых других важнейших документов успешно решать сложные служебно-боевые задачи невозможно.

Введение в уставы, наставления, приказы и директивы строго определенных нормативно-правовых положений, краеугольного для наших войск понятия "боевая служба" укрепило правовую основу служебно-боевой деятельности внутренних войск, их использования в чрезвычайных ситуациях, повысило ответственность всех категорий военнослужащих за исполнение служебного долга...

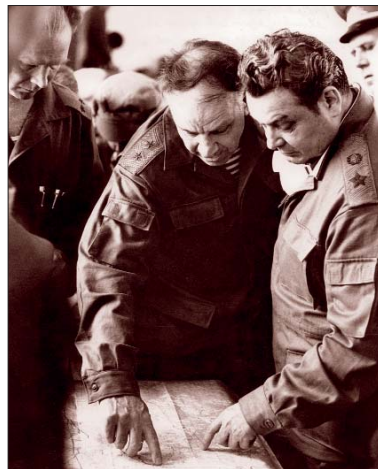
Генерал И.К.Яковлев держал в центре повседневного внимания изучение и обобщение оперативной обстановки, поддержание войск в высокой боевой готовности. Это чувствовали все его подчиненные в войсках и главке, а офицеры оперативного управления, в силу их должностных

Генерал-лейтенант в отставке Олег СЕРГЕЕВ, в 1973 – 1987 гг. заместитель начальника внутренних войск МВД СССР по тылу

ЗАБОТЛИВЫЙ КОМАНДУЮЩИЙ И РАЧИТЕЛЬНЫЙ ХОЗЯИН

...Если говорить о задачах по обустройству войск, то в течение 15 лет, к 1987 году, две трети личного состава срочной службы были размещены в новых военных городках, построены комплексы для двух военных училищ, окружного военного госпиталя в Свердловске, высших курсов в Ташкенте, туристические базы в Абхазии и на Украине.

Обеспечение жильём офицеров и прапорщиков представляло

Чернобыль. Горячие дни. 1986 год

для войск, и ещё одной победой генерала Яковлева. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР "Об улучшении жилищных условий военнослужащих Советской армии, Военно-морского флота и внутренних войск МВД СССР" (февраль 1975 года), которым предусматривалось ежегодное выделение войскам 60 тысяч квадратных метров жилой площади, наряду с другими нормативными документами позволило ликвидировать жилищный дефицит. Как правило, офицеры стали обеспечиваться жильём в течение года...

Под пристальным вниманием генерала И.К.Яковлева постоянно находились вопросы воинского быта. Начатое в 60-е годы движение за образцовый воинский порядок и высокую культуру воинского быта получило дальнейшее развитие в 70-е – 80-е годы.

Существовавшие прикухонные хозяйства, по сути, превращались в подсобные, опирающиеся на местные возможности и кормовую базу. Их продукция позволила увеличить мясной рацион в солдатских столовых, организовать в зимнее время дополнительное питание караулов и войсковых нарядов.

В наших внутренних войсках было много отдельно дислоцированных подразделений. Именно там, исходя из местных условий, наиболее эффективно развивались подсобные хозяйства.

Поскольку торговая сеть в глупинке либо вовсе отсутствовала, либо её продуктовый ассортимент, мягко говоря, оставлял желать лучшего, продукция подсобных хозяйств не в ущерб личному составу продавалась семьям офицеров и прапорщиков. Но и здесь нам с Иваном Кирилловичем пришлось преодолевать административные рогатки. Дело в том, что вышестоящие органы распорядились производимые мясные продукты переводить на плановое довольствие войск с зачислением их стоимости в денежные фонды частей. Такое положение для внутренних войск было в корне неверным, учитывая специфику их размещения и торгового обслуживания. И оно было отменено.

Меня могут упрекнуть в излишней детализации воспоминаний, не относящихся вроде бы непосредственно к личности начальника войск. На возможные упреки отвечу: командир, командующий – основной организатор, от его позиции и решений зависит всё. Внутренним войскам повезло, что в лице генерала армии Ивана Кирилловича Яковлева они обрели и заботливого командующего, и рачительного хозяина.

Проявляя постоянное уважение к подчинённым, он, когда дело подменялось общими рассуждениями, был зачастую резок. Участники совещаний руководящего состава не раз были свидетелями тому, как генерал И.К. Яковлев прерывал выступления, видя некомпетентность докладчика, человека, ответственного за дело. Ни звание, ни высокая должность выступавшего не спасали.

Это было обидно, но справедливо. Тем более что скоропалительные оргвыводы Иван Кириллович не допускал. Вообще, к судьбе каждого офицера начальник войск подходил с чутким вниманием. Особенно бережно относился он к молодым офицерам, кто на первых порах, не найдя себе места в воинском коллективе, стремился уволиться. С такими беседовал лично, что называется, всматривался в человека, убеждал, наставлял. Подавляющее большинство после таких нравоучительных по содержанию, но по-отечески душевных бесед успешно продолжали службу.

Первостепенное внимание генерал И.К. Яковлев уделял форми-

рованию и воспитанию резерва на выдвижение. Я сам это почувствовал перед назначением на должность его заместителя по тылу: моя работа вроде бы незаметно, но всё же находилась под его пристальным вниманием.

Подчинённым он доверял, не унижал мелочной опекой. Но был большим педантом в подготовке документов, не допускал многословия и тем более ошибок. Сталкиваясь с подобными фактами, нередко становился жёстким. Не всегда его нетерпимость и раздражительность были обоснованными. Если приходилось ему в чём-то возразить, имея на то весомые аргументы, с приводимыми доводами он соглашался не сразу. Но потом всегда находил способ показать, что был не прав.

Обладая сильным, волевым характером, Иван Кириллович практически никогда не признавал понятия "объективные трудности". Требовал не ссылаться на причины, вести дело так, чтобы преуменьшить возможные препятствия, постоянно влиять на обстановку и её возможное развитие...

Вспоминается особое умение начальника войск строить деловые отношения с руководством республик, краёв, областей. Принадлежность ему дипломатичность, сдержанность, умение в коротких

словах называют его руководство группировкой внутренних войск в зоне катастрофы на Чернобыльской АЭС. Тогда, летом 1986 года, все мы – от солдата до генерала – каждый на своём месте мужественно и самоотверженно выполняли свой воинский долг. Иван Кириллович и здесь был примером собранности, организованности, ответственности...

Даже после нашего выхода в отставку, мы, офицеры и генералы войск, всегда ощущали на себе влияние этой яркой личности, помнили его уроки. Иван Кириллович Яковлев был и остаётся примером выполнения воинского долга для

С заместителями и помощниками. 1986 год

обязанностей, – особенно. Командующий требовал, чтобы обеспечивалась высокая боевая готовность соединений и частей при выполнении повседневных служебно-боевых задач, чтобы войска были готовы к немедленным действиям при чрезвычайных обстоятельствах с переброской сил и средств, формирования на большие расстояния автомобильным, железнодорожным и воздушным транспортом. Иван Кириллович нам постоянно напоминал: боевая готовность – это святая святых деятельности войск...

особую проблему. Внутренние войска, в отличие от армии, не получали жильё от местных Советов. Выделяемых же войскам капиталовложений для этой цели было совершенно недостаточно.

В результате настойчивых усилий удалось добиться устранения такой несправедливости. Помню, в один из вечеров мне на квартиру позвонил Иван Кириллович Яковлев. Обычно сдержанный, здесь в радостном возбуждении он сказал: "Олег, ура! Постановление подписано!"

Это было действительно и большим событием для всех нас,

В очередной поездке по войскам

сроки решать возникающие проблемы и ликвидировать недоразумения снискали ему всеобщее уважение, поднимали авторитет внутренних войск в обществе.

Последним подвигом генерала армии И.К. Яковлева справедливо

всех, кому выпала честь служить с ним. Насколько я мог заметить, и сменившие Ивана Кирилловича на посту командующего генералы не менее тепло отзываются о нём.

Такая благодарная память дорогого стоит.

Генерал-лейтенант в отставке Виталий ВОЛКОВ, в 1980 – 1985 гг. начальник Управления внутренних войск МВД СССР по Волго-Вятской зоне

ТЕ ГОДЫ ЗАСТОЙНЫМИ НЕ БЫЛИ

...В 1973 году военный совет внутренних войск МВД СССР объял командование головного конвойного полка Иркутской дивизии принять высокие обязательства в социалистическом соревновании, стать маяком в войсках.

Ранее инициаторами соцсоревнования являлись полки в европейской части Союза. Для Иркутска это было очень ответственное поручение, так как кроме высоких показателей по всем видам деятельности полк не должен был в течение года допустить ни одного побего осужденных из-под охраны, ни одного чрезвычайного происшествия. В части делалось всё возможное и невозможное для выполнения обязательств. В управлении дивизии создали группу офицеров, которая практически непрерывно работала в полку. И обязательства были выполнены!

Генерал И.К. Яковлев спросил: «Как вы думаете поощрить командование полка?» Отвечаю: «Командира полка полковника Ермолова, его заместителя по политической подполковника Лиходиевского и начальника штаба подполковника Кашковского решено представить к государственным наградам».

Иван Кириллович говорит: «Таких людей надо продвигать по службе. Ермолова и Лиходиевского мы у вас заберём, в течение недели представьте на них в главк документы, Кашковского выдвигайте в своей дивизии».

Вскоре полковник А.И. Ермолов был назначен заместителем командира новосибирской дивизии, потом стал комдивом, получил генеральское звание и стал заместителем начальника УВВ по Западной Сибири. Подполковник В.Б. Лиходиевский был назначен с повышением в Свердловск, тоже стал генералом, заместителем начальника УВВ по Уралу. Подполковник В.В. Кашковский принял командование чингисинским полком...

Люди несведущие порою огульно, уничижительно, без знания исто-

рии называют 70 – 80-е годы прошлого века «застойными». Смее уверить – в наших внутренних войсках они таковыми не были. Напротив, при генерале И.К. Яковлеве в войсках чувствовался подъём, развитие по всем направлениям служебно-боевой деятельности. И социалистическое соревнование, о котором здесь упомянул, было мощным рычагом всеобщего служебного энтузиазма.

Начальник войск всегда выделял офицеров инициативных, творческих, преданных службе. Он прекрасно понимал, что так называемый резерв на выдвижение – его опора на годы вперёд.

За месяц-полтора до моего перевода из Алма-Аты в Горький Иван Кириллович спрашивает: «Что-то вы в последнее время не выдвигаете своих командиров полков, неужели у вас нет достойных?» Отвечаю, что достойные есть. «Докладывайте, кто конкретно, как характеризуются, а фамилии я запишу».

Называю командира шевченковского полка В.В.Сабусова, командира алма-атинского полка А.В.Каплиева и командира павлодарского полка В.Ф.Капустина.

Вскоре эти офицеры были выдвинуты на высшие должности. Сабусов и Каплиев стали генералами и поднялись до должнос-

тищал, поддерживал подчинённых. До моего прибытия в Алма-Ату между МВД Казахстана и УВВ по Казахской ССР и Киргизской ССР ощущались натянутые отношения. Порою и мне открытым текстом говорили, что я за свою неговорчивость закончу здесь свою карьеру так же, как и мои предшественники генералы П.И. Машевец и З.Г. Латыпов. А моя «несговорчивость» состояла, главным образом, в том, что я отказывался визировать документы и решения МВД Казахстана и республиканских властей, которые противоречили положениям приказов МВД СССР и постановлениям союзного правительства.

Когда возникали трения, мне приходилось обращаться в ГУВВ, к Ивану Кирилловичу или к начальнику штаба генералу И.Н. Витенко, они настаивали на меня, давали полезные советы, помогали.

Неоценимую помощь Ивану Кирилловичу в изучении, подборе и расстановке офицеров оказывал его заместитель по кадрам генерал-лейтенант Иван Филиппович Мельник. Высокоэрудированный генерал, обладающий незаурядным личным обаянием, он глубоко разбирался в людях, в человеческой психологии, всегда владел необходимой информацией, знал настроения в коллективах, держал

Поле – академия солдата

тей заместителей командующего внутренними войсками.

Генерал И.К. Яковлев предъявлял строгий спрос за положение дел, но в необходимых случаях за-

в поле зрения перспективных офицеров, готовил для начальника войск рациональные предложения по кадровым вопросам. Иван Кириллович высоко ценил дело-

вые и человеческие качества Ивана Филипповича, его работоспособность, преданность службе. Впоследствии генерал И.Ф. Мельник был выдвинут на должность начальника Главного управления кадров МВД СССР.

Состояние конвойных соединений, частей и подразделений по охране исправительно-трудовых учреждений было главной заботой И.К. Яковлева. А состояние это на тот период требовало серьёзного и решительного вмешательства. Многие части дислоцировались в северных, таёжных, труднодоступных районах, в условиях бездорожья, подразделения ютились в примитивных бараках.

«В добрый путь, товарищ лейтенант»

Зачастую офицеры не имели должной подготовки и не видели служебной перспективы. Именно при Яковлеве стала практиковаться для повышения заинтересованности офицеров в служебном росте замена, или ротация, кадров.

Офицеры, направляемые в отдалённые, с суровым климатом районы, имели там перспективу служебного роста. А по прошествии нескольких лет направлялись на учёбу в военные академии, переводились в западные и южные районы Союза.

Генерал И.К. Яковлев взялся за наведение войскового порядка в конвойных частях со всей присущей ему энергичностью. Он требовал от командиров и политработников довести до ума и сердца каждого военнослужащего государственную важность задач, выпол-

няемых внутренними войсками. Офицеров всех звеньев, всех категорий призывал поднять уровень заботы о солдате, содержать в порядке казармы, военные городки, улучшить питание и быт личного состава. В каждой роте оборудовались ленинские комнаты с телевизором, библиотечками, подшивками газет и журналов. Сам всегда следивший за своим внешним видом, начальник войск требовал этого и от других – опрятность, подтянутость, молодцеватость стали отличать военнослужащих внутренних войск. Именно при Яковлеве на погонах наших солдат появились знаковые буквы «ВВ».

По вопросам обустройства

внедрению в войска прогрессивных идей, достижений науки и техники. При нём были сделаны первые шаги по введению автоматизированной системы управления войсками.

Если в спецчастях техника в охране объектов применялась и ранее, то в конвойных частях всё приходилось начинать с нуля. Нужно было преодолеть инерцию мышления, сломать устоявшиеся взгляды на способы и систему охраны. Часовой на наблюдательной вышке на большинстве объектов оставался главной фигурой, и в то же время...

Много трудов и настойчивости потребовалось для приведения в порядок внутренних и внешних запретных зон, заборов, контрольно-следовых полос, монтажа сигнализации. С точностью до секунды отработывались графики подъёма и выхода тревожных групп караулов к месту срабатывания сигнализации.

Для установок технических средств в штаты частей по охране ИТУ были введены взводы ИТСО, а в штаты всех штабов для руководства этой работой – должность заместителя начальника штаба по ИТСО.

Иван Кириллович с огромным уважением относился к участникам Великой Отечественной войны, причём одинаково тепло и к полководцам, и к простым солдатам.

Он часто вспоминал о генерале Афанасии Павлантьевиче Белобородове, командующем войсками Московского военного округа, который завещал похоронить себя в братской могиле бойцов своей дивизии, оборонявшей Москву. А когда в июне 1974 года умер наш легендарный полководец Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, начальник внутренних войск генерал-полковник И.К. Яковлев приказал прервать занятия на учебном сборе командиров соединений в ГУВВ и лично возглавил генералов главка и участников сбора для прощания с покойным маршалом...

В те годы в стране царили мир и покой. Советская армия, КГБ и МВД оберегали державу. Внутренние войска, как составная часть Вооружённых сил и МВД, чётко выполняли поставленные задачи. Войсками твёрдо командовал генерал армии

С генералами-единомышленниками

И.К.Яковлев – человек на своём месте, истинный патриот и достойный гражданин.

Полковник в отставке Павел АНДРЕЕВ, в 1979 – 1982 гг. начальник отдела оперативного управления ГУВВ МВД СССР.

ВОЙСКА НЕСЛИ СЛУЖБУ, УЧИЛИСЬ, СТРОИЛИ...

За сорок два года военной службы мне встречались разные начальники: честные и мудрые, справедливые и не очень. Как школьный учитель по образованию и опыту работы и как командир и штабной работник, хочу поделиться некоторыми воспоминаниями о начальнике войск генерале армии И.К. Яковлеве, запомнившимся мне своим трудолюбием, работоспособностью, добротой, умением думать и заботиться о людях.

Нет, я не ходил ежедневно к нему с докладами (по должности не было положено) за исключением последних трёх лет моей службы (1979 – 1982гг.). До этого времени я служил в управлении боевой подготовки ГУВВ старшим офицером. Мне поручалась разработка командно-штабных учений в звене “соединение – часть”, когда комиссия главка, возглавляемая И.К.Яковлевым, выезжала на инспектирование. Ответственность для меня была огромная, а для проверяемых командиров и на-

Генерал армии И.К.Яковлев любил солдат, был прост и доступен в общении

Можно было только удивляться, когда в ходе двухсуточного учения он, слушая выступающих, вспоминал детали, предусмотренные замыслом, тщательно проверял отработанные документы. Иногда предлагал и мне, как разработчику, сидящему рядом, задавать вопросы выступающим. Разбор учений всегда проводил чётко, в зак-

лючение ставил конкретные задачи: что и как необходимо сделать для обучения, для улучшения служебно-боевой деятельности.

Запомнилось, как готовился он к командно-штабному учению, проводимому тогдашним министром внутренних дел Н.А. Щёлоковым. За Яковлевым была закреплена группа, в состав которой входили министры республик и представители штабов объединений. Я принимал участие в разработке этого учения и знал все его тонкости. В плане учения рассматривались вопросы и действия по этапам всех служб, входящих в структуру МВД. В течение трёх часов происходил тщательный разбор каждого этапа учения и действий всех служб. Наконец, я высказал мысль, что от руководителя не требуется знания отдельных деталей, да это и не представляется возможным. На что был получен ответ: “Я отвечаю за учения, а потому обязан знать всё”.

С приходом генерала Яковлева в войска изменилась сама система проверок: они стали плановыми и глубоко продуманными. Комиссии он инструктировал лично,

конкретно указывал, на что обратить внимание, исходя из состояния дел в проверяемых частях.

Как-то во время инспектирования полка, дислоцирующегося в Молдавии, после краткого доклада по прибытии в Кишинёв Яковлев предложил мне принять участие во встрече с командующим общевойсковой армией. Информация

командующего была чрезвычайно интересна и полезна для нашей службы.

На следующий день я докладывал о результатах инспектирования части в присутствии всего офицерского состава. Всё шло нормально до тех пор, пока в разделе “Тыловое обеспечение” я не указал на недостатки в работе продовольственной службы. Начальник войск отреагировал мгновенно: стал выяснять, как такое возможно, кто виноват в случившемся и кто из членов комиссии проверял службу тыла. Начальник медицинской службы ГУВВ генерал П.Л. Лазарев, ответственный за проверку данного направления, начал оправдывать замену одних продуктов другими. Яковлев в резкой форме разъяснил присутствующим, что в таком благодатном крае с изобилием овощей и фруктов подобное недопустимо – личный состав здесь, как нигде, должен получать витамины в достатке.

В конце 70-х годов войска получили правительственное задание – принять под охрану железнодорожные объекты на Транссибирской магистрали и на БАМе. В Главном управлении внутренних войск для выполнения поставленной задачи был создан отдел в составе оперативного управления. Я был назначен заместителем начальника, затем – начальником этого отдела. Необходимо было “привязать” каждый военный городок к местности, провести реконструкцию, организовать взаимодействие с железнодорожниками, местными властями. Новые задачи требовали от начальника войск новых забот, ведь каждый объект, в зависимости от места расположения (железнодорожный мост, тоннель, галерея), нуждался в определении численности личного состава, вооружения, типа казармы, бытоустройстве. На этом этапе было много трудно-разрешимых проблем, но всё постепенно налаживалось. На одном из совещаний у начальника войск я подробно доложил обстановку на каждом из 92 (!) объектов. Он слушал, периодически задавал вопросы, вносил уточнения и в заключение особое внимание уделил вопросам организации снабжения продовольствием семей офицеров, обучения их детей, предложил на каждой заставе за-

вести корову, птицу и другую живность (это были не простые для страны годы, обеспечение продовольствием было задачей актуальной).

В ходе поездки генерала И.К.Яковлева по Транссибирской магистрали выяснилось, что на строительных объектах не хватает рабочей силы. Начальник войск принял решение подключить к работе военнотрудовых наших час-

Зинаида Фёдоровна и Иван Кириллович Яковлевы. Фото военных лет

тей. Были разработаны графики, сделаны соответствующие расчёты, выявлена потребность каждого объекта в необходимом количестве военнотрудовых в помощь железнодорожным рабочим. О ходе проводимых работ мы докладывали начальнику войск ежедневно...

В 90-е годы с изменением политической обстановки в стране построенные нами для войск объекты были переданы частным охранным предприятиям. “Для кого же мы строили!” – с горечью говорил Иван Кириллович в беседах со мной, на встречах с ветеранами.

Да! Удивительный это был человек, способный быстро принимать верные решения, внимательный к людям, умеющий учить и учиться у других.

Я благодарен судьбе за совместную работу с генералом армии И.К.Яковлевым. Мы, подчинённые, старались многое перенять у него. Общение с ним было для нас хорошей школой.

Полковник внутренней службы Елена ЯКОВЛЕВА, кандидат исторических наук, доцент

РОДИТЕЛЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ, НО...

“Бракодел!” Так в далёком 1946 году слушатели Военной академии бронетанковых войск встретили новость о том, что у заместителя начальника курса майора Яковлева

родилась девчонка. Почему-то считалось, что у прошедших войну офицеров должны получаться только мальчишки.

Отец и сам мечтал о сыне, и меня, свою единственную дочь, воспитывал жёстко, хотя любил очень-очень. Не хныкать, не жаловаться, уметь постоять за себя, если нужно, дать сдачи, чётко знать, чего хочешь, наметив цель – идти до конца, преодолевая все трудности. И я дружила с мальчишками, играла в войну, дралась и лазала по деревьям, хотя и девчоночьей радости мне не были чужды.

Папа никогда на меня не кричал, не ставил в угол, не давал подзатыльников. У него были свои особые методы воспитания. “Елена, я прекращаю с тобой дипломатические отношения” – эта фраза была для меня страшнее любого наказания. Но так было не всегда. В детстве, судя по воспоминаниям, существом я была упрямым и непослушным.

...Мне было года три, когда всей семьей мы поехали на родину отца в село Чернолесское Ставропольского края. В один из дней решили пойти на кладбище, где похоронена бабушка, папина мама. Чтобы сократить путь, отправились напрямик через колхозные поля. Я तो пала по тёплой и пушистой дорожке пыли, потом по зелёной травке и никак не хотела обуваться. Папа уговаривал, настаивал, я сопротивлялась изо всех сил. Так и пошла. Скоро мягкая трава сменилась скошенной рожью. Идти по колочей стерне было больно, я всё больше отставала от взрослых, но не сдавалась. Отец часто оглядывался, но помощь не предлагал. Наконец я не выдержала и, раслакавшись, попросила взять меня на руки. Остальной путь я проделала на его плечах. Он не упрекал, не читал нотаций, но это путешествие я запомнила на всю жизнь...

...Год спустя отдыхали в Кисловодске: родители в санатории, мы с бабушкой в комнате, снятой неподалёку. У хозяев квартиры был сын, мой ровесник. По вечерам мы весело играли, пуская в большом тазу пластмассовых лебедей, купленных папой. Однажды отец предложил мне подарить несколько птиц мальчику, и я согласилась. А утром передумала и забрала подарок обратно. Узнав об этом, папа попытался объяснить мне, что так поступать некрасиво, что жадность не лучшее качество человека. Но ничего не помогало. И тогда первый и единственный раз в жизни отец взялся за ремень. Только взялся, даже не замасхулся... Но я всё поняла...

...Поезд пересёк границу и остановился в первом румынском городе. "Мамалыга, мамалыга", – неслось с перрона. Это слово меня буквально околдовало. "Хочу мамалыги", – ныла я, уткнувшись в стекло. "Ты не будешь её есть", – спокойно сказал папа, уже несколько лет проживший в этой стране. "Буду, буду", – не унималась я. "Хорошо", – и отец вышел из вагона. Боже, какой невкусной показалась мне тогда с непривычки варёная кукуруза! Я скорчила кислую рожицу и смотрела на папу. "Ты же просила", – был ответ. Рыдая и давясь, я ела эту ненавистную мамалыгу. А пару минут спустя отец выкинул злополучный початок, и больше мы к этому инциденту не

Елена Ивановна Яковлева

возвращались. Так, шаг за шагом, путём моих собственных проб и ошибок папа формировал мой характер.

Годы, проведённые в Румынии, остались в памяти как весёлое и беззаботное время. Тёплый климат, обилие цветов и фруктов дополняли ощущение вечного праздника. Дивизия, которой командо-

вал отец, располагалась в небольшом городке Браилов, большая часть которого состояла из красивых одноэтажных особняков с примыкавшими к ним садами. Офицеры дивизии с семьями были расквартированы прямо в городе, и мы свободно гуляли, быстро перезнакомились и подружились. Ходили друг к другу в гости, делили радости и неудачи.

Душой этой большой компании был отец. По выходным, если не было учений или других важных мероприятий, все вместе выезжали за город или на берег Дуная. Пока остальные охотились или рыбачили, кто-то из взрослых присматривал за детьми: нас катали на лодке, учили плавать, стрелять из лука, разводить костёр. Иногда устраивали семейные обеды в ресторане дяди Аламана. Тогда мы, дети, нарядные и притихшие, сидели за огромным овальным столом в Белом кабинете вместе с родителями, чувствуя себя повзрослевшими и важными персонами. Всё было так красиво и торжественно! С тех пор у меня сложилось отношение к еде

как к священнодействию, где присутствует не только вкусно приготовленная пища, но и красивая посуда и сервировка. И в этом тоже заслуга моего отца.

В Москву вернулись в 1956 году. Первое время, пока родители не обросли кучей друзей и знакомых, мы всё свободное время проводили вместе: ходили в кино, на концерты, в театры. Ездили на рыбалку и за грибами. Катались на лыжах и коньках. В доме царил лёгкая, доброжелательная атмосфера. Родители любили слегка подшучивать друг над другом и надо мной. Часто устраивали различные конкурсы и соревнования. Победитель получал большую самодельную медаль. Потом, когда появилась дача, гости опять стали неотъемлемой составляющей выходных. На даче была веранда с огромным теннисным столом, за которым обычно и располагалась компания. Соседи только удивлялись, как маме удаётся накрывать столы на такое количество людей. А она это делала легко, с улыбкой. И только когда ей исполнилось 60 лет, я впервые услышала от неё, что принимать столько гостей ей стало трудновато.

Папа любил вкусно поесть, но никогда не привередничал. Долгие годы его любимыми блюдами оставались борщ, жареная курица и рыба. Когда при Хрущёве стали сокращать армию, отец всерьёз подумывал вернуться к гражданской профессии зоотехника и поесть заведовать какой-нибудь птицефермой. Мама тогда смеялась, что он съест там всех кур.

Мне было 13 лет, когда мама тяжело заболела и попала в больницу. За хозяйку осталась я. Помню свой первый обед, приготовленный по книге "О вкусной и здоровой пище". Конечно, мой первый опыт был далеко не шедевром кулинарного искусства, но папа всё съел, похвалил, высказал свои пожелания. Его одобрение поддерживало меня, и скоро я научилась готовить вполне прилично. Став матерью, я всегда поощряла попытки своего старшего сына Константины что-то приготовить. Сегодня он делает это лучше меня.

Старшеклассницей, а затем студенткой я вдруг обнаружила, что воспитательный процесс приобрёл элементы вседозволенности. Но эта была особая папина

вседозволенность. Отец считал, что будет лучше, если "запретный плод" я получу из его рук, тогда не будет соблазнов на стороне. Так дома, на глазах у родителей я впервые закурила, попробовала водку и коньяк, сыграла в преферанс. Все эти "развлечения" мне ужасно не понравились. Но позднее, когда истфак в перерывах между лекциями утопал в табачном дыму, а в общежитии стипендии проигрывались в карты, я с полным основанием с лёгкой усмешкой могла сказать: "Фи, я это уже делала".

Папа всегда внимательно наблюдал за окружающей нас жизнью, замечал всё новое. Ажурные чулки, высокие замшевые сапоги, огромный мохеровый шарф, двусторонний плащ и многое другое я получала в подарок от него, как только эти вещи вошли в моду. При этом я никогда не была модницей, более того, я вообще довольно равнодушна к нарядам и украшениям. Родители сумели привить мне чувство меры, способность не зацепляться на "тряпках", даже очень красивых.

Лена Яковлева с отцом и его сослуживцами. Румыния. 1956 год

Главным требованием к одежде была опрятность. И здесь примером служил отец. Штатский костюм и военная форма одинаково шли ему, и одет он всегда был со вкусом.

Отец любил и уметь делать подарки. Это было особое таинство, которому он придавал большое значение. Но бывали и приколы. Помню, в Румынии мы решили ма-

ме на день рождения кроме подарка преподнести огромный букет цветов. Папа специально приехал домой в середине дня, пока мама ещё была в поликлинике, которой в то время заведовала. Долго искали место, куда бы спрятать цветы, чтобы утром сделать сюрприз. Решили поставить в моей комнате на подоконник за тяжёлыми шторами, не подумав о том, что окно выходит во двор прямо около входа в дом. Естественно, подойдя к двери, мама сразу увидела наш подарок, но промолчала и раскрыла тайну лишь несколько лет спустя. Обычно же всё удавалось, ибо продумывалось и готовилось заранее. Не помню случая, чтобы папа вернулся из поездки (а ездил он много и по стране, и за границу) с пустыми руками. Когда я вышла замуж и появились внуки, это правило распространилось и на них. Удивительно, отец знал и помнил все наши размеры, и привезённые им вещи всегда отлично сидели.

Окончив университет, я получила предложение остаться в аспирантуре. Конечно, бросилась к отцу за советом. Так сложилось, что

я вновь. Позднее такие же доверительные беседы стали ключом в моих отношениях с сыновьями. Я никогда ни о чём их не расспрашивала, не лезу в душу. Желая со мной чем-то поделиться, они приходят сами. И тогда я откладываю все дела, какими бы срочными они ни были.

Отец очень хотел, чтобы я оставила свои "средние века" и занялась современной историей. По его предложению даже ездила на собеседование в Институт США и Канады. Но мои интересы были так далеки от профсоюзного и рабочего движения, что я осталась со своими рыцарями и прекрасными дамами.

Отцу я могла доверить все свои тайны. Он знал всех моих друзей и подруг, было заведено приглашать их в дом и на дачу. В праздничные дни, когда у меня собиралась компания, а родители возвращались с какого-то концерта или приёма, папа обязательно присоединялся к нам, рассказывал что-нибудь интересное, шутил, танцевал.

С годами, благодаря папе, моё упрямство превратилось в упорство и целеустремлённость. А сам он стал относиться ко мне как к маленькой даме. Его внимание, забота, готовность прийти на помощь окружали меня постоянно. И, честно говоря, мне было не просто найти среди своих сверстников кавалера, обладавшего такими же достоинствами, как у него.

Папа любил жизнь и любил людей. Он всегда помогал всем, кто его просил, если это было в его силах. В праздники и дни его рождения телефон звонил с утра и до позднего вечера. Со всех уголков нашей огромной страны звучали слова благодарности и пожелания долгих лет жизни. Все людские радости и горести он пропускал через своё большое доброе сердце. И оно не выдержало...

Говорят, время лечит. Наверное, это так. Но боль утраты всё ещё живёт во мне.

Родителей не выбирают, но если бы пришлось это сделать, я выбрала бы его, моего горячо любимого меня и так же любимого мною папу.

★
Подготовил
полковник запаса
Борис КАРПОВ

БЕЗ ПРАВА НА ИЗВЕСТНОСТЬ

9 августа исполняется 25 лет
Управлению ФСБ России
по внутренним войскам
МВД России

Восьмидесятые годы минувшего столетия... Руководство страны уделяет повышенное внимание усилению охраны социалистической собственности и укреплению общественного порядка. В осуществлении этих функций всё большую роль играют Министерство внутренних дел СССР, его органы и внутренние войска, которые к этому времени стали одной из самых мощных правоохранительных структур страны. Наряду с охраной мест лишения свободы, на плечи войск легла защита предприятий ядерной и ракетно-космической промышленности, стратегически важных объектов, транспорта и коммуникаций.

В число объектов охраны входили также закрытые административно-территориальные образования, где концентрировался научно-промышленный потенциал страны. Требовали войсковой охраны и принятые на вооружение ракетные комплексы, и объекты Гохран. Такая многоплановость функций внутренних войск, их осведомлённость в широком спектре государственных секретов не могла не привлечь самого пристального внимания иностранных спецслужб и организаций. В начале 80-х го-

дов отмечалась значительная активизация подрывной работы иностранных спецслужб и зарубежных антисоветских центров, проявление повышенного интереса к деятельности Министерства внутренних дел.

С учётом сложившейся обстановки руководство страны приняло решение поручить Комитету государственной безопасности организацию контрразведывательного обеспечения аппарата МВД СССР, его органов и внутренних войск.

Во исполнение распоряжения правительства приказом председателя КГБ СССР В.М. Чебрикова от 9 августа 1983 года в составе 3-го Главного управления КГБ СССР было сформировано новое оперативное подразделение — Управление "В".

Этим же приказом для организации и проведения контрразведывательной работы в Главном управлении внутренних войск и частях непосредственного подчинения было создано Управление особых отделов КГБ СССР по ВВ МВД СССР, ныне ставшее Управлением военной контрразведки ФСБ России по внутренним войскам.

История отела Управлению на работу в мирных условиях все-

го три года. Но и эти мирные годы были наполнены подвотворной работой — перехвачены устремления преступных элементов к войскам, сорвано несколько попыток хищения оружия и боеприпасов, предотвращён ряд серьёзных чрезвычайных происшествий с личным составом и техникой.

Совместно с командованием войск создана надёжная система охраны государственных и военных секретов, мест хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, организован пропускной режим на командных пунктах и охраняемых объектах.

Первым серьёзным испытанием для сотрудников Управления стала авария на Чернобыльской АЭС. За самоотверженность и мужество, проявленные при выполнении воинского долга в особых условиях, многие военные контрразведчики были удостоены государственных наград.

Далее были Фергана, Нагорный Карабах, Грузия, Северная Осетия, где чекисты плечом к плечу с военнослужащими войск правопорядка обеспечивали режим чрезвычайного положения.

Особой строкой в истории Управления стала Чечня. Поиск и нейтрализация бандглаварей, получение предупреждающей информации о действиях боевиков, освобождение военнопленных, обеспечение безопасности войск — вот лишь неполный перечень задач, что легли на плечи военных контрразведчиков.

За образцовое выполнение служебного долга многие сотрудники Управления удостоились высоких наград. Майор Г.М. Медведев, майор А.В. Зачиняев, майор Г.И. Мольков, капитан А.И. Горбунов, капитан Р.Б. Саитов стали кавалерами ордена Мужества посмертно...

О тяжёлой цене боевых наград, о мужестве и самоотверженности военных контрразведчиков не раз рассказывал наш журнал. Герой очерка, который мы предлагаем вниманию наших читателей, майор Сергей Помитун — из их числа.

О ДЕДОВСКОМ НАКАЗЕ И СЕМЕЙНОЙ РЕЛИКВИИ

Из поколения в поколение в казачьем роде Помитуну передаётся старинная пашка — клинок изумительной красоты, бережно хранимый в семье уже третье столетие. Многие помнит его закалённая сталь! Пуше счастья и благоденствия берегли Помитуну честь своего оружия, всегда помня и соблюдая древнее казачье правило: "Без надобности из ножен не вынимать, без славы — обратно не вкладывать!"

Этот завет передал внуку Сергею дед Митрофан Антонович, ветеран Великой Отечественной войны, сотрудник НКВД, участник борьбы с бандеровцами на Западной Украине. Во многом это и предопределило выбор юноши. Вообще-то Сергей мечтал посвятить свою жизнь службе в разведке, как дед, но в то время выпускников общеобразовательных школ в Высшую школу КГБ СССР на учёбу не принимали. Поэтому он выбрал учебное заведение войск правопорядка, расположенное ближе всех к родным местам — в 1976 году стал курсантом Орджоникидзевского высшего военного командного училища внутренних войск МВД.

Со значком кандидата в мастера спорта на кителе курсант Помитун приехал к деду как-то на каникулы. Митрофана Антоновича так впечатлили первые успехи старшего внука, что он, решив не откладывать передачу фамильной реликвии, вручил юноше заветный клинок.

После выпуска лейтенант Сергей Помитун получил назначение на север...

ОБ ОФИЦЕРСКОЙ СЛУЖБЕ И "КРАПОВЫХ БЕРЕТАХ"

Карьера у молодого офицера Сергея Помитун складывалась вполне удачно: командовал взводом, во время командировки в столицу на обеспечение общественного порядка в ходе Московской Олимпиады познакомился с Сергеем Лысюком и заболел спецназом, восторженно готовил себя и своих бойцов для выполнения задач, в середине восьмидесятых стал "краповиком". Следующей ступенью служебной лестницы перспективного офицера стала должность помощника начальника политотдела по

ЗАЩИТА СТРАНЫ — СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Первый курс. Принятие военной присяги

комсомольской работе вологодского полка, а вскоре ему дали направление для поступления в военную академию.

Но тут произошла встреча, изменившая его судьбу. Однажды в полк приехал человек в штатском, представившийся офицером Комитета госбезопасности. Как оказалось, сотрудник контрразведки прибыл в Вологду для подбора кадров в создаваемые в соединениях и частях внутренних войск МВД СССР особые отделы.

Вскоре после той встречи Сергей Помитун был принят на высшие курсы военной контрразведки, которые закончил не только с красным дипломом, но и с благодарственной грамотой, подписанной председателем КГБ СССР Юрием Владимировичем Андроповым.

Его служба как военного контрразведчика началась тоже на севере, в Печоре, куда молодой офицер привез жену и сына. Но прошло время, и он получил новое назначение — в Лабинск, в часть оператив-

Этот пейзаж знаком многим военнослужащим внутренних войск

ного назначения внутренних войск. Вот когда у чекиста началась настоящая работа!

Подразделения полка несли службу на осетино-ингушской границе, выезжали в Нагорный Карабах, действовали в разрушенном землетрясением Ленинкане. Офицер особого отдела Сергей Помитун тогда практически не вылезал из командировок, в одной из которых получил первую контузию. Но всё это показалось лёгкой прогулкой, когда началась Чечня. Лиха, как говорится, пришлось хлебнуть сполна.

— Первое серьёзное ранение получил под Гехами. До этого как-то Бог хранил. А там, что называется, влипли по полной программе, — говорит Сергей Николаевич, вспоминая первую чеченскую. — Поехали после штурма села Орехово договариваться с дудаевцами об обмене телами погибших. Через доверенных лиц из местных жителей удалось получить предварительное добро на обмен от одного из полевых командиров. Но когда уже повезли тела, попали в засаду. Вообще-то в то время такое было чуть ли не нормой: местные вели двойную игру и предавали неоднократно. В тот раз вытравилась чудом. Водитель нашего бэтэра не растерялся и врубил полную скорость. Правда, я получил осколочное ранение, но ведь — жив! Жаль, в го-

рячке не узнал имя того паренька. Спасибо ему...

В каждой командировке оперработнику приходилось рисковать жизнью чуть ли не ежедневно. Но иначе было нельзя: постоянно требовалась достоверная информация о планах и намерениях противника. Однажды майору Помитуну удалось наладить контакт с одним из боевиков. Тот случайно проговорился о времени нападения на вертолёт, доставлявший по Хасавюртовскому соглашению ценный груз. В августе 1996-го Александр Лебедь договорился с Масхадовым, что за каждый сданный в Чеченской республике местными жителями ствол будет выплачено денежное вознаграждение. Суммы на выкуп требовались огромные. Вот у станицы Грушевая, что под Урус-Мартаном, в определённый день и сажился вертолёт, забитый мешками с деньгами. Только благодаря информации, полученной оперативником ФСБ, удалось тогда предотвратить захват "денежного борта". Спецназ провёл операцию ювелирно, бандиты уничтожены. И это лишь один пример результативности работы оперативного сотрудника на той войне...

Память майора хранит всё, хоть и тяжёлой порой эти воспоминания. Когда в Армавире началось формирование отряда специального назначения внутренних войск, в Управлении вспомнили о краповом

берете Помитун, поручив именно ему контрразведывательное обеспечение новой воинской части. Так жизнь и служба Сергея Николаевича снова оказались накрепко связаны со спецназом. А вскоре "вятичам" пришлось решать далеко не учебные задачи...

С первых же дней контртеррористической операции майор Помитун вместе с отрядом оказался в эпицентре трагических событий. В сентябре 1999 года в Новоласком районе спецназ попал в серьёзную передышку.

— Отряд, находившийся в Боташюрте, где была временная база, подняли по тревоге 8 сентября. Грузились срочно. Выбросили в горы резко, даже без соответствующих карт местности. И тут такая ужасная чехарда началась: из-за этой несогласованности в течение первого дня отряд обстреляли свои же, армейские вертушки. Это были первые потери. Только немного пришлось в себя, раненых эвакуировали, как боевики подбили один из БТРов. А ночью приказ: "Занять высоту!". Но никто не знал тогда, что вокруг около трёх тысяч боевиков окопалось. "На мягких лапах", как у нас говорят, несколько групп поднялись и начали закрепляться на вершине высоты...

Внизу оставались медики, небольшой резерв да несколько бэтэров. Там же находился и майор По-

митун: у оперработников, даже в спецназе, свои задачи, в атаки они ходят только в исключительных случаях. Но вскоре обстановка сложилась именно так.

— С рассветом боевики попытались вернуть себе господствующую над местностью высоту, — вспоминает Сергей Николаевич. — Завязался неравный бой. Мы тоже заняли оборону. Вскоре стало ясно, что положение у наших на горке аховое, несут серьёзные потери. Запросили помощь, вызвали подкрепление. Налетела авиация. Но там уже слоёный пирог был: мы — в нижней части, выше — наши боевые группы, а между нами — "духи". И по всем лупит авиация. Наши дали зелёные ракеты — сигнал "свои". Но и боевики увидели те ракеты, скорректировали огонь по спецназу, оказавшемуся в окружении.

Группы надо было как-то вытаскивать из-под огня. Одну — знаю точно — выводил тогдашний начальник штаба отряда Николай Гадюшкин, ныне генерал-майор. Подтянулись десантники. Тут у подножия высоты кричат: "Кто старший по званию?" Смотрю, вокруг одни лейтенанты. Получается, я — старший. Значит, мне и вест.

Армейский генерал срочно из десанта и наших ребят из отряда сформировал группу и приказал пробиваться на выручку окружённым. Отобрал я добровольцев, дали нам два БТРа и две бээмдэшки с десантом. Пошли, втянулись в бой. И тут мне в спину попал снайпер. Удар сильный, на землю бросило. Спасло, что был в бронике. Сделали

укол, пришёл в себя. Майор, помню, там был, врач армейский. Так он просто чудеса творил, всех раненых спасая: и десантников, и наших. Его машина была изрешечена, а он все вывозил раненых. Спасибо ему, многих, можно сказать, с того света вернул. Я сбросил свой развороченный пулей броник, влез в другой. Ещё какое-то время пытался участвовать в бою, хотя всё плыло перед глазами и мутило. Потом — дикая боль. И всё, отрубился. Очнулся уже в Махачкале...

Для контрразведчика началась долгий госпитальный марафон. В месте удара снайперской пули на теле офицера образовалась огромная гематома, которая в итоге могла привести к нарушению работы спинного мозга. А это грозило полной неподвижностью... Лишь благо-

даря искусству нейрохирургов и собственной воле майору удалось избежать большей беды и со временем опять встать на ноги. Но полностью здоровье уже не восстановилось.

Служить с прежней самоотдачей Сергей Николаевич уже не мог. А работа вполсилы и в щадящем режиме была не для него. Поэтому с военной службой пришлось расстаться. Но и роль простого пенсионера не подходила деятельному офицеру, казалась скучной и какой-то уж очень "конечной", как тупик на старой, поросшей бурьяном узкоколейке с ржавыми рельсами. И едва лишь позволило здоровье, он поехал учиться в Москву. Получил второе высшее образование в Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, нашёл интересную работу.

Жизнь, как сегодня говорит отставной майор, налаживается. Что радует в ней больше всего? Двое внуков и, конечно же, сын. Получилось, что он заменил в строю отца: год прослужил в подразделении службы безопасности при краснодарской бригаде внутренних войск, после чего был зачислен слушателем в Академию ФСБ. Так что теперь пришло время Сергею Николаевичу гордиться сыном. Есть кому передать и профессию, и семейную реликвию — казачью шашку предков, испокон века оберегавших Россию...

Майор Вячеслав КАЛИНИН,
капитан Татьяна МЕЖАНОВА
Фото из семейного альбома
Сергея ПОМИТУНА

Начальник разведывательного управления
Главного командования внутренних войск МВД России
генерал-лейтенант Сергей КУЗОВ:

СПЕЦНАЗУ ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ, ЕСТЬ К ЧЕМУ СТРЕМИТЬСЯ!

Принято новое Положение о квалификационных испытаниях на право ношения крапового берета

Подразделения спецназа и разведки, являясь элитой вооружённых формирований большинства стран, как правило, имеют свои отличительные знаки или особую форму одежды, которые личный состав носит с особой гордостью и достоинством.

У нас таким символом чести, отваги, профессионального мастерства давно уже стал краповый берет. Хочется отметить, что военнослужащие иных элитных подразделений, в том числе и иностранных, свои отличительные символы получают при зачислении в

штаты частей. Наш берет – берет цвета крови – с самого начала не выдавался спецназовцу как некий предмет униформы – берцы или камуфляж. Его нужно было заслужить, завоевать в ходе серьёзных испытаний.

Мы благодарны нашим ветеранам – Герою России полковнику запаса Сергею Лысюку, майору запаса Виктору Путилову и их товарищам, всем тем, кто стоял у истоков этой славной традиции. Почти три десятилетия назад она зародилась в учебной роте 2-го полка дивизии им. Ф. Дзержинского – пер-

вом штатном подразделении специального назначения внутренних войск. Основываясь на собственном опыте, офицеры и прапорщики роты разработали правила квалификационных испытаний, включившие в себя наиболее сложные, но жизненно необходимые элементы боевой подготовки спецназа. Это и десятикилометровый марш-бросок с последующим преодолением полосы препятствий, и скоростная стрельба из автомата, и действия на высоте, и сложные физические упражнения, и рукопашный бой.

31 мая 1993 года командующий внутренними войсками утвердил первое Положение о квалификационных испытаниях военнослужащих на право ношения крапового берета. И этот экзамен официально вошёл в программу боевой подготовки спецназа.

Но прошло время, усложнились задачи, ужесточились требования к элитным подразделениям. Да и сам спецназ внутренних войск стал другим. Учебные роты выросли в воинские части – в отряды, превратившиеся в грозную силу, доказавшие на деле свою высокую жизнеспособность и необходимость в правоохранительной системе Российской Федерации. Особенно ярко это проявилось в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе, где и сегодня выполняют служебно-боевые задачи свыше 2,5 тысячи спецназовцев и разведчиков.

Необходимость совершенствования, и прежде всего усложнения, основных положений квалификационных испытаний была очевидна давно. К тому же становилось всё яснее, что с увеличением количества воинских частей и подразделений специального назначения возрастает опасность снижения качества проведения экзамена на местах. Что греха таить, некоторые командиры

стали воспринимать традицию вручения краповых беретов как дополнительную возможность поощрения подчинённых. Другие пошли ещё дальше: стали вручать войсковую святыню... нужным людям в качестве памятных сувениров! Справедливости ради необходимо отметить, что большинство этих случаев происходило не в частях спецназа, и тем не менее...

Горько видеть стоящих в оцеплении у кромки футбольного поля первогодков в краповых беретах, надетых на их юные головы только

лишь затем, чтобы соблести единообразие строя. И уж тем более неприятно видеть краповый берет на голове бизнесмена, которому его преподнесли в знак благодарности за спонсорскую помощь!

Но теперь, надеюсь, всему этому будет положен конец. Отныне квалификационные испытания на право ношения крапового берета не что иное, как суровый экзамен – элемент боевой подготовки, подведение итогов работы всего воинского коллектива, а не пустая формальность с возможностью в итоге пок-

расоваться перед фото- и кинокамерами. К тому же не следует забывать и о том, что подготовку подразделений специального назначения надлежит проводить конфиденциально, без раскрытия методик и приёмов обучения личного состава боевому и служебному мастерству.

Отдельно стоит сказать о необходимости сохранения и укрепления традиций и в самих воинских частях специального назначения. Не секрет, что кое-где допускаются послабления: не всегда военнослужащие, имеющие право носить краповый берет, поддерживают высокий уровень своей физической и специальной подготовки. А это, естественно, наносит урон авторитету "краповика".

На мой взгляд, в этом важном вопросе не проявляют должной принципиальности и советы военнослужащих, имеющих право ношения крапового берета. Известны отдельные случаи ношения беретов неустановленного образца, беретов силовых структур иностранных государств, что тоже вызывает заслуженные нарекания командования

внутренних войск, ветеранов подразделений специального назначения. Неужели нам мало своей славы?!

Пробил час положить конец и верхоглядству, и очковитательству. Неприятно, но приходится констатировать, что в отдельных подразделениях и частях возобладала тенденция натаскивания по программе сдачи экзамена на право ношения крапового берета, а не всесторонняя подготовка настоящего зрелого и умелого бойца. Вы только посмотрите: человек не прослужил и года в подразделении спецназа, а на голове уже краповый берет. Как это прикажете понимать? Он ещё не состоялся даже как солдат, а ему уже вручается символ доблести и профессионализма. Допускаю, что есть исключения. Но и в этом случае перед нами ещё не боец спецназа, а всего лишь толковый спортсмен-разрядник, и до подготовленного профессионала подразделения специального назначения ему ой как далеко.

Командование внутренних войск уделяло, уделяет и будет уде-

лять самое серьёзное внимание дальнейшему развитию воинских частей и подразделений специального назначения. Главнокомандующий внутренними войсками генерал армии Николай Евгеньевич Рогожкин принял решение о проведении комплекса мероприятий, направленных на повышение статуса крапового берета и качества подготовки военнослужащих войскового спецназа.

Мне особо хочется отметить, что право ношения крапового берета по-прежнему остаётся мощнейшим моральным стимулом подготовки высококлассных специалистов и никак не связано с предоставлением им каких-либо материальных благ. Это дело престижа и уважения, а не меркантильных интересов. Это право быть назначенным для выполнения служебно-боевой задачи повышенной трудности, сопряжённой со значительным риском для жизни и здоровья, это право сказать: "Делай, как я!"

Разведывательным управлением Главного командования внутренних войск МВД России подготовлено и приказом министра внутренних дел Российской Федерации № 632 от 21 июля 2008 года введено новое Положение о квалификационных испытаниях военнослужащих воинских частей (подразделений) специального назначения внутренних войск МВД России на право ношения крапового берета, которое и значительно расширило требования к его обладателям и кандидатами, и сохранило основные элементы прежнего документа.

Так, согласно новому Положению, к квалификационным испытаниям будут допускаться только военнослужащие, прослужившие в спецназе не менее года.

Предвижу вопрос: а как же солдаты-срочники, которые призваны на один год?

Хочу сослаться на мировой опыт аналогичных подразделений. Там отбирают положительно зарекомендовавших себя военнослужащих, отслуживших определённые сроки в линейных подразделениях. Затем они проходят подготовку в специальных центрах и лагерях, сдают проверку, аналогичную нашим квалификационным испытаниям, и только после этого получают возможность претендовать на право считаться профессионалами.

Хоть мы находимся в несколько

иных условиях, тем не менее псевдопрофессионалы и нам не нужны. Считаю, что целесообразно допускать к квалификационным испытаниям военнослужащих по контракту, прапорщиков и офицеров как наиболее подготовленную категорию личного состава боевых подразделений. А что касается срочников, полагаю, что у командиров отрядов спецназа достаточно средств для стимулирования и этой категории военнослужащих. Если же боец, проходящий службу по призыву, мечтает о краповом берете, то год службы – это как раз время, достаточное, чтобы обрести начальный уровень подготовки и сделать выбор дальнейшей судьбы. А коль им станет спецназ, пожалуйста – подписывайте контракт и добивайтесь права быть лучшим из лучших. К тому же и командиры успеют в течение солдатского года понять, что за человек перед ними, с чем пришёл в коллектив, по плечу ли ему ответственные задачи, не опозорит ли краповый берет.

Другим важным моментом, предусмотренным новым Положением, является обязательное подтверждение военнослужащим права ношения крапового берета. И хотя эта мысль звучала и прежде, на деле никаких последующих экзаменов для "краповиков" не проводилось. И как результат, некоторые из них со временем утратили необходимые навыки. Да, иные с гордостью продолжают носить свой берет, хотя, по сути, профессионалами не являются и не стремятся что-либо предпринять для поддержания необходимого уровня. С этим теперь будем ре-

шительно бороться!

Рассчитываю, что на первом квалификационном испытании по новому Положению мы увидим в деле командиров воинских частей специального назначения и их заместителей, имеющих право ношения крапового берета. Надеюсь на их личный пример. Знаю, что большинство этих профессионалов не откажутся повести за собой кандидатов на марш-броске, выступить проверяющими во время учебных поединков. Ну а по липовым "краповикам", думаю, примет решение совет военнослужащих, имеющих право ношения крапового берета.

Предстоящие квалификационные испытания запланированы на начало сентября этого года и пройдут на базе учебного центра под

Смоленском. Такое решение принято в связи с предстоящим тактико-специальным учением (сореволюцией), которое будет проходить там же. Особо подчеркну, что квалификационные испытания и соревнования подразделений специального назначения – это различные мероприятия, которые объединяет только место сбора. Опасения ветеранов, что квалификационные испытания могут превратиться в обычные соревнования, напрасны. В дальнейшем квалификационные испытания будут проходить в других учебных центрах, где имеется необходимая учебно-материальная база.

В заключение хочется сказать: мы видим наш спецназ как высокоэффективную составляющую внутренних войск МВД России, сочетающую в себе интеллект, физическую силу, отвагу и профессионализм. Новое Положение о квалификационных испытаниях на право ношения крапового берета призвано поднять значение этого замечательного символа на качественно новую ступень.

Нашим военнослужащим есть чем гордиться и есть к чему стремиться!

Фото Виктора БОЛТИКОВА,
Владимира НИКОЛАЙЧУКА
и Сергея ДЮЛДИНА

РАССКАЗ О СУРОВОМ ДРУГЕ

МЕСТО ВСТРЕЧИ – ШАТОЙ

Вертушка, отстреливая в сумрачное небо яркие бутоны шипящих тепловых ловушек, уверенно заходила на посадку. Едва её колёса коснулись площадки, борттехник отпустил рукоять хвостовой пулёмётной турели и, откинув прорезиненную штору, вошёл в полупустой салон. Несколько притихших новоприбывших сержантов-контрактников, летевших в пограничный отряд, восторженно уставились в иллюминаторы, рассматривая дивный пейзаж Аргунского ущелья.

Я сидел напротив входной двери, упираясь ботинками в рифлёный дюралевый пол. Все эти красоты, знакомые ещё по первой чеченской кампании, честно говоря, не вызвали во мне никакого восторга. Из кабины пилотов показался штурман, перекрывая шум продолжавшего работать двигателя, прокричал мне в ухо: “На выход!”

— Уже Шатой? — отвлёкся я от собственных мыслей. — Вот спасибо! Прямо не знаю, как бы я без вас сюда добрался. А когда вы назад? Завтра. А куда? На Моздок. Отлично! Подсядете за мной? Вот и ладно! Эдак я и на обратный борт домой успею. До свидания! Удачи!

Привычно вскинув на плечо объёмистый кофр с фотоаппаратурой, спустился по лесенке. И, повинаясь многолетней привычке, чуть принюхавшись, заспешил прочь от взлетающей машины, направляясь в сторону лагеря отряда специального назначения. Там должен был находиться мой бывший сослуживец и друг, с которым судьба разлучила много лет назад. И вот теперь, прилетев в очередную командировку, я не мог не заехать к нему.

Дневальный по КПП проводил меня к дежурному по отряду. Узнав цель моего визита, офицер развёл руками:

— Несколько часов назад убыл в Ханкалу. Грозился завтра к обеду вернуться. Может, задержится на пару суток? Жаль, если не увидите с Дмитрием Михайловичем. Он нам как-то рассказывал про бои в Грозном в девяносто шестом, да и о вас вспоминал. Что же делать-то? Предлагаю боевой с дороги, потом ужин. Ну а там поглядим...

В принципе такое начало работы в отряде, известном не только своим искренним гостеприимством, но и боевыми делами, меня вполне устраивало. Вдоль нас нахлеставшись неизвестно как очутившимся в этих краях настоящим берёзовым венником, отведав в отрядной столовой приготовленный хотя и безо всяких изысков, но вкусный ужин, я вернулся в командирскую палатку, где ранее оставил свои вещи. Получив подтверждение у дежурного офицера, что именно это брезентовое жилище отвели мне для постоя, расположился на приготовленной кровати, вытянув уставшие от дневного хождения ноги к натопленной печке. И приоткрыл

раскалённую заслонку чугунной буржуйки.

Красно-синее пламя вытворяло что-то невероятное, завораживало, приковывало взгляд. Его языки то на мгновение замирали, то вновь пускались в пляс. И в них, как в калейдоскопе, проступали события, связанные с временно отсутствующим другом...

СУДЬБЕ НАВСТРЕЧУ

Кто бы мог подумать, что спешащий ранним утром в музыкальную школу на занятия по сольфеджио круглоблый мальчуган, сын учительницы и военного дирижёра, станет офицером спецназа? Да никто! Разве что его дедушка Прокопий Иванович, от первого до последнего дня провоевавший всю Великую Отечественную в войсковой разведке. И ставший кавалером нескольких боевых орденов. Уж он-то наверняка подмечал наметанным взглядом в не по годам смышлённом внуке задатки будущего бойца.

Дмитрий рос крепким и сообразительным малым. Успешную учёбу в школе совмещал с активными занятиями спортом, наравне с дзюдо увлекался музыкой и радиodelом. После окончания радиоучилища его призвали в армию. Хороший аттестат, отличное здоровье, звание мастера спорта сделали свое дело: парня направили в отдельную бригаду, охранявшую в столице комплекс зданий Минобороны СССР и Генерального штаба. Служил Дмитрий не за страх, а за совесть, имел лестные характеристики от командиров. Тогда же всерьёз решил стать кадровым офицером. Тут уж и к гадалке не ходи: ждала юношу прямая дорога в стены Московского высшего общевойсковой командного училища. Если бы не одно но...

Как-то накануне первомайских праздников “отличник боевой и политической” совершенно случайно оказался на Красной площади. Где и увидел мало кому тогда известное подразделение: крепкие парни в кропавых беретах и дикивинной для того времени камуфлированной форме отработывали действия, никак не напоминавшие строевую подготовку парадных “коробок”. Один из знакомых офицеров разъяснил стоявшему с открытым ртом солдату, что это спецназ внутренних войск тренируется на случай осложнения обстановки во время первомайской демонстрации.

Дмитрию чёткие действия бойцов так понравились, что в ближайший выходной он использовал своё уволь-

нение, чтобы побывать в Центральном музее внутренних войск МВД СССР, побольше узнать о спецназе и о самих войсках. Этот день стал поворотным в его судьбе...

КОМАНДИРСКАЯ ЮНОСТЬ

Сухие дрова горели, гулко потрескивая, то и дело рассыпая множество искр. Иногда казалось, что в жаркой топке моментально рождаются и гибнут тысячи новых звёзд, созвездий, галактик. Я, вспоминая когда-то услышанный рассказ друга, не отрываясь, смотрел на этот микросмос.

— Вечер добрый. — Неслышно вошедший в палатку начальник штаба отряда вернул меня в реальный мир. Присев на табурет, он протянул кружку с парившим ароматным чаем. — Вот, отведайте. Конечно, после бани вам можно было и стопочку опрокинуть. Как там говорил Суворов: “После бани портки продай, но выпей”? Но уж не обесудьте, спиртного здесь не держим: во время командировок в отряде сухой закон.

Расстроились, что с Дмитрием Михайловичем не встретились? Что подлаещь — служба. Знаете, а мы ведь с ним тоже не один год бок о бок прослужили. Если хотите, могу о нём кое-что рассказать. Познакомились мы ещё в Новосибирске, в нашем родном училище внутренних войск. Диму вскоре после зачисления поставили командовать отделением, потом назначили заместителем командира взвода специального назначения. Сержантом он был хоть и требовательным, но справедливым. За подчинённых всегда стоял горой. Кстати, основной принцип воспитания и обучения у него с тех пор не изменился: “Делай, как я!”, а не “... как я сказал”.

Интересная у нас получилась учёба: в курсантские годы успели побывать практически во всех горячих точках Союза. Между командировками Дмитрий успевал не только учиться, но тренироваться и выступать на соревнованиях. Да ещё как выступать: на каждом турнире либо брал главный кубок, либо завоевывал одно из призовых мест. При этом на последнем курсе командовал взводом вместо офицера. И ещё умудрился закончить училищем с красным дипломом. Каково, а?

Я вам больше скажу. Мы по возрасту почти ровесники, вы меня поймёте. На выпускном вечере свежеспечённые лейтенанты некоторых бывших отделённых и замкомвзводов в отме-

стку за их излишнее солдафонство настолько купали в фонтанах, а то и мутузили. Бывало такое, помните? Но мы относились к своему с неподдельным уважением. Помню, Марат Гадильшин от всего взвода поднёс ему хромированную солдатскую каску с водкой и сказал: “Командир, ты нам четыре года всё разжёвывал и в рот клал. Спасибо за науку и терпение! А теперь на память о нашей дружбе и службе отпей первым из чашки!”

По-моему, это был первый глоток спиртного в жизни Дмитрия Филиппова. До этого он вообще алкоголь не употреблял, говорил: “Свою норму выпить ещё успею!”.

По распределению он попал на Украину и несколько лет прослужил в Харькове. А после развала СССР переехал в Ульяновск, где его назначили командиром отставшей по многим показателям патрульной роты. Через полгода “филиппки”, как в шутку звали в части бойцов его подразделения, вышли на передовые позиции, а затем начали выигрывать первенства соединения по вольной борьбе и дзюдо.

Да что там соревнования! В один из дней его патрульные случайно стали очевидцами задержания двух вооружённых преступников. Сотрудники уголовного розыска выхрем налетели на бандитов, внезапно выскочив из оперативной машины. Завязалась потасовка. Уголовники оказались крепкими мужиками и, отчаянно сопротивляясь, бились с операми на равных. Тут в происходящее вмешался патруль внутренних войск.

Откуда же бойцам было знать, что на их глазах идёт захват матерых рецидивистов, если и те, и сотрудники угро были в “гражданке”? Короче, наш патруль после непродолжительной схватки скрутил и бандюков, и милиционеров, изъязв пару бандитских револьверов и в придачу два табельных пистолета Макарова у розыскников. Тут на помощь лежащим на асфальте операм кинулся водитель машины, тоже, естественно, без “опознавательных знаков”. Бойцы оприходовали и его. Они же не знали, что шофёр имеет какой-то там пояс по каратэ. Но куда же с голыми пятками против резиновой дубинки в умелых руках. Да ещё если занятия по спецподготовке проводил такой ротный, как Дмитрий Михайлович...

В общем, доставили всех задержанных в отделение. И уж только там рассортировали: кого в камеру, кого в кабинет. Начальник уголовного розыска поначалу сильно ругался. Зато потом

потерь. Солдат он тогда сумел сберечь. А вот себя...

Командировка уже подходила к концу. Осталось пережить одну-единственную ночь. Обстрел расположенного вблизи коммандатуры блокпоста начался под утро. Несколько гранатомётных выстрелов ударили в ограждение, яростно буравя огненными струями прочный железобетон. Один из осколков залетел прямо в бойницу, тяжело ранив командира омоновцев, оборонявших небольшую крепость. Потребовалась срочная эвакуация, и Дмитрий немедленно выехал на помощь.

Его бронетранспортёр, несмотря на шквальный обстрел, подъехал вплотную к посту. Бойцы сноровисто загрузили раненого в десантный отсек, и БТР на максимальной скорости помчался в «Северный». Только разгрузились, как поступила очередная вводная: срочно вернуться на усиление блокпоста, который боевики уже не только обстреливали, но и пытались атаковать.

Возвращались, не зажигая фар, практически на ощупь. Вокруг темень – хоть глаз выколи. Но в этом мраке сквозь узкие щели триплексов было отлично видно, как хаотично зажигаются и гаснут красноватые вспышки автоматных и пулемётных выстрелов. По броне БТРа время от времени молотила яростная свинцовая позёмка. В ответ наводчик огрызался короткими очередями крупнокалиберного пулемёта. Обстрел прекратился внезапно. Натужно ревя, бронетранспортёр заехал в подготовленный капонир, водитель заглушил двигатель.

В наступившей тишине ротный осторожно откинул крышку и медленно вынулся из командирского люка – осмотреться. Внезапно резкий удар швырнул его грудью на броню. Спину словно обожгло крутым кипятком, пронзило нестерпимой болью. Едва сдерживая рвущийся из горла крик, офицер сполз внутрь стального корпуса. Перед глазами всё плыло, в ушах

звенело. Теряя сознание, Дмитрий успел различить испуганные лица склонившихся над ним механика и наводчика...

Позднее ему сказали: когда он выскочил из люка, на башне бронетранспортёра разорвался выстрел подствольника. Пока ротного пеленали бинтами, кто-то из бойцов автоматически про себя отмечал входные отверстия от осколков, искромсавших командирскую спину. Насчитал четырнадцать.

Ему повезло: ни один из кусков вонзившегося в него металла не задел жизненно важные органы. Комбат, узнав о случившемся, хотел отправить офицера в госпиталь. Но он отказался: до прибытия замены оставались считанные часы. Взяв у начмеда пузырёк с обезболивающими таблетками, Дмитрий с трудом натянул на бинты с проступающей кровью новый камуфляж и пошёл сдавать должность прилетевшему сменщику...

НИЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМ О НИХ!

– Товарищ подполковник, – совершенно неожиданно из темноты раздался приятный женский голос. – Вас на плану ждут.

Удивлённо взглянув на часы, начштаба взмахнул руками: зачёмничались!

– Пока мы там строимся да совещаемся, вы с Натальей пообщайтесь, – обернувшись, бросил он уже с порога, пропуская в палатку стройную «амазонку» в камуфляже. – Она вам о Дмитриии, своём муже и нашем командире, много интересного расскажет. Если, конечно, вы её разговорите...

Правильно подмечено: стоит женщине оказаться в замкнутом пространстве как она тут же начинает его благоустроить и наводить порядок. Пока я собирался с мыслями, супруга командира по-хозяйски открыла замандра погасшей печи, деловито вымела остывшую золу в железный совок и высыпала её в пустой цинк из-под патронов. Затем нарвала бересты, заложив в топку несколько поленьев и умело затопила печь.

– Ну, и о чём вы тут с начальником штаба судачили? – наконец полюбопытствовала она, вытирая бумажным платочком испачканную сажей ладонь.

– Вспоминали первую кампанию, когда Дмитрия ранило, – послушно ответил я. И сразу же понял, что вот тут-то как раз и надо было соврать!

При упоминании о ранении мужа Наталья сразу внутренне напряглась. Несколько мгновений она молчала. А потом...

– Офицеры... Отцы-командиры... Ничего вы не понимаете в этой жизни, – резко раскрыв дверцу топки, женщина, как и я за несколько минут до этого, смотрела на танцующие пламя. – Вы всё время где-то далеко: в командировке, в бою, в обороне, на специальной операции. И только в одном месте вас никогда не бывает вовеки. Там, где вы всего нужнее: у себя дома, возле стареющих родителей, возле болеющих детей. Возле любящей жены, которая по ночам не спит, волнуется, не зная точно, что сейчас делает её муж. И гадает: где он, что с ним? Вздвигает от каждого внезапного звонка. С дрожью и замранием сердца смотрит телевизионные новости, в которых лохотённый диктор вещает о новых стычках с боевиками, «в ходе которых погибли несколько военнослужащих федеральных сил».

Я на всю жизнь запомнила Димкино возвращение из той злополучной командировки. Он пришёл домой поздно ночью. Я, обезумевшая от радости, кинулась к нему и крепко-крепко обняла. А он в ответ на ласку начал вырываться из моих объятий и, скрипя зубами, словно от злости, произнёс только одно слово: «Осторожнее!»

Простите за грубость, но вы, мужики, все малохолонные! Особенно со своими понятиями о доблести и чести. Ну почему он молчал о своём ранении? Не мог заранее позвонить, предупредить? Я бы хоть чуть-чуть морально подготовилась. Ан нет, гордые мы, видяшь ли! Я к нему с объятиями, а он меня отталкивает. Я в тот момент на него так обиделась, столько всего за секунды передумала... Это ему ещё повезло, что у меня в ту минуту ничего тяжёлого в руках не было, а то вдобавок к ранению он у меня ещё бы и контузию схлопотал!

Потом, когда он стащил с себя форму и я увидела окровавленные бинты, конечно, всё поняла. Но ведь это было потом! Правда, тогда, после долгой разлуки, мы провели, наверное, самую незабываемую ночь в нашей жизни: Димка лежал на животе и тихо стонал, заглушая боль выданными таблетками, которые он глотал горстями. А я хлопотала вокруг него, совершенно не зная, что делать и чем помочь. Только наутро муж поехал в госпиталь. Там его обследовали, сделали рентгеновский снимок. И решили ничего не трогать: мол, мелкие осколки выйдут са-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Командиры

ми, а большие трогать опасно. Перебинтовали заново и отправили домой.

Доктора оказались правы: мелкие осколки у мужа со временем стали вылезать. Болезненным оказался этот процесс, причём для нас обоих: об один осколок я даже порезалась. Гадкий такой, маленький, тоненький, на зазубренную обломанную иголку похож. А крупные в нём до сих пор сидят, так и ходит с этим металлоломом!

Второй раз пришлось выхаживать его уже в девяносто девятом. Он тогда служил в саратовской «двадцатке», ку-

Заложив резкий вираж, он сделал крут над Шатом и, плывя тепловыми пиропатронами, пошёл на посадку. Запрыгнув внутрь приземлившейся машины, как обычно, уселся на своё любимое место – напротив входной двери. Там самый лучший обзор и наиболее удачное место для фотосъёмки.

Завывая турбиной, вертушка мягко оторвалась от земли и на мгновение замерла перед стремительным рывком вверх. В этот момент к отрядному КПП подошла небольшая колонна – бронированный «уазик» и БТР сопровожде-

Дмитрий и Наталья Филипповы: служим вместе

да перевелся из Нижнего Новгорода. Отряд брал Карамахи, где Диму контузило. Но это я потом узнала, опять после его возвращения. А тогда сидела дома, смотрела новости и ждала коротких телефонных звонков от мужа, в которых он неумело врал про «спокойную жизнь на базе». Мне иногда кажется, что вы, мужики, нас, женщин, за полных дур держите. Неужели действительно думаете, что нас можно обмануть?

Когда муж после окончания академии получил распределение в отряд спецназа и опять зачастил по командировкам, я сказала: «Хватит, оформляюсь на службу. Не могу больше сидеть дома в полной неизвестности. Дочка уже большая, пусть с бабушкой остаётся. А мы послужим вместе!». И знаете, мне с тех пор гораздо спокойнее...

Офицерские жёны, наши боевые подруги... Ничего мы не знаем о вас!

СВИДЕЛИСЬ!

На следующий день в обещанное время вертолёт вынырнул из ущелья.

Из машин высыпали люди. И я увидел знакомую коренастую фигуру.

Дима, он же Дмитрий Михайлович, он же полковник Филиппов, ныне командир отряда специального назначения, за прошедшие годы внешне мало изменился. Всё та же уверенная, немного косящая борцовская походка. Потёртая спецназовская «торка» да верный спутник – безотказный «калаш». Встав возле открытой двери, я смотрел на него со смешанным чувством радости и печали.

Наконец-то свиделись! Это было здорово. Но через мгновение вновь расстанемся, даже толком не встретившись, не обнявшись, не поговорив. И от этого на душе становилось тоскливо.

Легко прочитав по выражению моего лица всё, что творилось у меня на душе, друг приветственно-прощально вскинул вверх правую руку с зажатым в кулаке автоматом...

Подполковник Николай ПЕТЕЛИН

Фото из семейного альбома Филипповых

сменил гнев на милость и даже награждал солдат почётными грамотами.

А затем началась Чечня. Там уж вы, наверное, и сами всё знаете...

«ГРЯНУЛ ВЫСТРЕЛ В ТИШИНЕ...»

Мой собеседник замолчал. Не нарушая тишины, я вспоминал рассказ моего друга, некогда услышанный от него самого в те редкие минуты откровения, что случаются у каждого человека, побывавшего в серьёзной перестрелке.

Прогоревшие дрова остывали, покрываясь толстым слоем сероватого пепла. Подобно густому снегопаду, мельчайшие хлопья золы бережно укрывали ещё рдеющие угли. Вдруг показалось, что из горящей печки повеяло ледяным холодом. Смертельным...

В самый разгар первой кампании Димино подразделение, отработавшее под Гребенской, перебрали в Грозный. Вот где солдаты с благодарностью вспоминали те уютнейшие занятия и тренажи, на которых за несколько месяцев подготовки «дрессировали» их требовательный ротный. Сам же он радовался тому, что за всё время пребывания в боях в его подразделении не было безвозвратных

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ. Не по Шекспиру...

Солдат появился неожиданно. Прищуренные светлые глаза смотрели спокойно, с какой-то холодной насмешкой. Умар потянулся было к автомату, но руки не слушались. Леденя от ужаса, Халидов смотрел, как “кяфир” медленно поднимает “калш”, кладёт палец на спуск и...

Проснувшись, Умар долго лежал, чувствуя, как бешено колотится сердце, а тело сотрясает противная липкая дрожь.

Вытерев выступившую на лбу испарину, он сел на грубо сколоченных нарах и осторожно, чтобы не разбудить других, дотянулся до закопчё-

ного чайника с длинным кривым носиком. Глотнул холодной, отдающей болотом воды. Зябко передёрнув плечами, запахнул ворот отсыревшей камуфлированной куртки.

Часы показывали половину пятого утра, и Халидов вновь плюхнулся на лежанку, надеясь “придавить” ещё час-полтора, но сон не шёл. Лишь только Умар закрывал глаза, в памяти вновь возникал ненавистный русский пацан с автоматом...

Мысленно выругавшись, моджахед вновь поднялся с нар. Нашарив в изголовье обтрёпанный исламский сонник, он направился к выходу из землянки и на свету пролистал прошитые суровой ниткой замусоленные страницы.

“Солдат, воин, — отыскав нужную страницу, прочёл Умар. — Видеть во сне одного или двоих солдат — к волнению и неприятностям. Видеть себя во сне солдатом — к беде, утратам, смерти”.

Халидов нервно закурил, присев на холодные, вырубленные в земле ступени. Настроение испортилось окончательно.

Вот уже неделю он вместе с ещё четырьмя собратьями-ваххабитами безвылазно куковал на острове. Ещё недавно их было вдвое больше — молодых парней, воюющих под знаменем матёрого полевого командира Абу Алимова. Ставили на дорогах фугасы, обстреливали заставы “кяфиров”, однажды в соседнем районе подстергали и сожгли из гранатомёта машину одного из здешних “мунафиков” — замначальника РОВД.

Так продолжалось, пока на их след не напали бойцы взвэшного батальона “Север”. В считанные дни они вычислили базу их отряда, грамотно обложили её. В том бою моджахеды потеряли больше половины штыков. Уйти удалось чудом, и то благодаря звериному чутью главаря, нашедшему единственную брешь в заслонах.

Идея затаиться на острове, под самым носом у военных, тоже принадлежала Абу. Сперва остальные посчитали этот вариант самоубийством — кругом вода, если обложат, уж точно куда не уйти. Но Алимов рассчитал верно: “кяфирам” и в голову не могло прийти, что боевики выберут для укрытия такое гиблое место...

* * *

Зверобой опустился на прохлад-

ную траву, чувствуя, как гудят уставшие ноги. Несколько часов кряду группа прочёсывала прибрежную полосу, тщетно пытаясь найти хоть какие-то следы пребывания банды Абу Алимова. Сама операция шла уже второй день, но все усилия “летучих мышей” из уральского отряда спецназа и приданной им роты оперативного батальона 46-й бригады были напрасны. Руководитель операции собирался было дать отбой, но ночью “слухачи” из ФСБ снова запеленговали в этом квадрате переговоры неуловимого полевого командира.

Олег чуть ослабил лямки брони, вытер со лба крупные капли пота. В отряде он служил уже четвёртый год и знал, что большинство подобных операций зачастую не приносит результата. Как-никак “непримиримых” становится всё меньше и меньше, действуют они разрозненными группами от силы по пять-шесть человек, хоронясь по лесам да непроходимым ущельям. Выследить этих “душюков” потруднее будет, чем кабана в лесу...

Зверобоем, кстати, Олега нарекли с первых дней службы в отряде. Впервые его так назвал взводный, узнав, что его новый боец с малолетства ходил на охоту вместе с отцом. А когда однажды, возвращаясь из ночной засады, солдат заметил и с первого выстрела уложил высокочившего из кустов дикого козла, его уже никто не называл по фамилии. Впрочем, боевые псевдонимы в отряде были у всех. Снайпера группы, в прошлом перворазрядника по пулевой стрельбе, окрестили Теллем. Водителя БТРа, благодаря золотым рукам которого давно выслуживший своё движок “коробочки” пахал как новый, нарекли Левшой. А своего командира разведчики почтительно именовали Батей, хотя капитан годился им максимум в старшие братья — месяц назад ему исполнилось двадцать шесть.

Пользуясь передышкой, сержант поудобнее уселся на расстеленном брезенте, прикрыл глаза, усилием воли заставляя себя думать не о сегодняшнем неудачном разведываходе, а о чём-нибудь приятном. Например, о прошлогоднем отпуске, когда в октябре они с отцом, братом и парой соседских мужиков всё-таки добыли того здоровенного кабана, что обосновался в лесу. Матёрый был секач и хитрый до ужаса: лежбище себе выбрал на болоте, в кустарнике на ма-

леньком островке. Никому и в голову не пришло бы, что кляксистый схоронится именно там...

Олег вздрогнул и открыл глаза. Сознание обожгла смутная догадка.

— Ты чего, Зверобой? — Подошедший Батя тревожно взглянул на сержанта. — У тебя не температура, часом? Простыл небось в засаде ночью?

— Да нет, товарищ капитан, — помотал головой Олег. — Просто мысль одна появилась... Мы же вон тот островок не досматривали? А вдруг "духи" там спрятались?

— Кто их знает... — Капитан задумчиво наморщил лоб. — Если по уму, то там укрываться — идиотизм. Засекут — так уходить некуда будет: крутом вода. А с другой стороны, этот Алимов зверь непредсказуемый. Постоянно от противного действует. Помнишь, как его две недели назад в лесу обложили? Кто мог подумать, что он по открытому месту ломанется! Так что всё может быть. Он запросто мог решить, что на острове мы его точно искать не будем, и двинул туда с остатками своей банды...

В этот момент командира окликом связист:

— Товарищ капитан, вас Первый вызывает!

...Батя возвратился через несколько

ко минут.

— Ну, Олежка, чую, носить тебе лампасы! — подмигнул он сержанту. — Только что генерал приказал прочесать этот остров — прямо в унисон у вас с ним мысли... Короче, поднимай своих бойцов и дуйте на позиции. Будем чеченскую роту прикрывать, которую командование в поиск отрядило.

— Шайтан вай каллэ!

Алимов, оторвавшись от бинокля, в бессильной ярости шваркнул о землю прикладом автомата. К острову медленно плыли две лодки с вооружёнными бойцами. В окуляры главарь явственно различил смуглые чеченские лица. Он не сомневался, что это были бойцы из отдельной взводной роты, состоящей сплошь из местных. А значит, они, знающие в окрестностях каждый кустик, как пить дать обнаружат их логово, и пощады не будет никому — Абу и его подельники давно ходили в кровниках почти у всего района.

Ну уж нет! Главарь положил автомат на бруствер и, упрекнув приклад в плечо, стал ждать, когда "мунафики" подползут поближе...

Заняв позицию в ближнем окопе,

Умар с ужасом наблюдал за скользкими по водной глади лодками. Вместо азарта перед близким боем ваххабит испытывал дикое отчаяние. Больше всего ему хотелось бросить "калаш" и бежать, бежать куда глаза глядят! В охваченном страхом сознании мелькнула запоздалая мысль: эх, отмотать бы время хоть на годок назад, когда была возможность уйти из отряда, сдаться в любой райотдел милиции. Вон ушёл же тогда Беслан, так, говорят, под амнистию попал. Небось живёт дома, не прячется, на работу устроился...

Треск близкой очереди заставил Халидова вздрогнуть. Тотчас же вслед за "калашом" Алимова заговорили и стволы других моджахедов, прочерчивая к лодкам с "мунафиками" белёсые пунктиры очередей. Но в следующую секунду ожил берег, застрекотал автоматами, захлопал подствольниками, заухал "транками", заставив боевиков попадать на дно окопов.

— Эмир! Сваливать надо! — сквозь нарастающий грохот крикнул кто-то из собравшихся.

— Стемнеет, тогда и двинем! — зло отозвался Абу. — Если сейчас рвануть! — перещёлкают всех как цыплят!

Но ждать темноты не пришлось.

Спусти от силы минут десять в воздухе раздался до боли знакомый свист, и первая мина глухо квакнула чуть левее землянки.

Обстрел нарастал. Каждый следующий разрыв вспахивал землю всё ближе и ближе к позициям ваххабитов. Смертоносные 82-миллиметровые железяки неумолимо нащупывали прячущихся на острове пятерых "непримиримых".

— Уходим! — наконец-то прозвучала долгожданная команда Абу.

Вслед за командиром Халидов выпрыгнул из окопа и, пригибаясь, понёсся к воде. Тотчас же позади коротко ахнула мина и раздался хриплый предсмертный вскрик кого-то из моджахедов...

Трупы двоих боевиков нашли сразу, неподалёку от землянки. Следом у самой воды отыскался и Абу Алимов: осколком ему снесло полчерепа. Среди убитых не было только верного оруженосца главаря Адама Байсарова и молодого боевика Умара Халидова.

Однако спустя пару часов группа, прочёсывающая противоположный берег, сообщила: на траве обнаружены следы крови. Судя по всему, оба беглеца ранены.

— Как пить дать в село двинули, — выслушав доклад, произнёс Батя. — Ну ничего, недолго этим уродам гулять осталось: только что генерал дал добро прошерстить все постройки.

...Село блокировали ближе к вечеру. К этому времени уже было известно, в каком доме укрылись Адам и его подельник.

— В дом брать "духов" идут бойцы из чеченской роты, — объявил капитан своим "летучим мышам". — Наша задача: перекрыть "душарам" пути отхода. Зверобой, двигайся со своими парнями по ту сторону дома. Смотрите в оба, мужики, эти черти запросто могут задворками рвануть.

...Не прошло и десяти минут, как отделение Олега заняло свои позиции, когда в глубине дома затрещал автомат. Почти одновременно раздался звон разбитого стекла, и из окна прямо на Зверобоя выпрыгнул чернявый парень в изодранном камуфляже. Увидев перед собой сержанта, он дико вытаращил глаза, подхватил оброненный

автомат и...

Проклятая мина всё-таки достала их. Халидов и Байсаров уже почти выбрались на берег, когда рядом раздался протяжный свист, и в следующий миг дикая боль захлестнула Умара.

Он очнулся на удивление быстро. Левая рука висела как плеть и нестерпимо ныла. В руке хлюпало что-то горячее и липкое. Рядом с побелевшим лицом сидел Адам, поджав окровавленную ногу — шальной осколок буквально развернул ему голень.

Наскорю перевязав друг друга, моджахеды двинули в ближнее село, где жила Лейла, сестра кунака Байсарова, ставшего шахидом год назад после боя с чеченским ОМОНОм.

До нужного дома добирались почти ползком, огородами. Под коонец Умар уже совсем обессилел, и лишь обещание Адама немедленно

пристрелить его заставило Халидова двигаться дальше.

Лейла встретила их неприятливо. По её хмурому, раздражённому лицу было видно, что больше всего ей хочется выставить вон непрощённых гостей, но отказать давнему другу своего покойного брата женщина не смогла.

Умар забился сразу же после перевязки и обезболивающих таблеток. Сквозь наваливающийся сон он слышал, как Байсаров что-то сердито

то выговаривает Лейле, а потом сознание отключилось окончательно.

Халидов проснулся от неясной тревоги. Встряхнув головой, прислушался: кажется, у дверей едва уловимо скрипнула половица. Он покоился на лежащего рядом Байсарова — тот тоже не спал, напряжённо выглядывая в темноту.

В следующую секунду в дверном проёме выросла тень. Адам судорожно схватил автомат, но тут же тишину распорол очередь, и он с утробным клёкотом рухнул навзничь.

Взвыв, Умар рванулся к окну. За его спиной взвизгнули пули, но ваххабит уже вываливался наружу, выламывая хрупкую раму.

Больно ударившись о землю, он вскочил и в следующий миг увидел перед собой белобрысое лицо русского солдата, как две капли воды похожего на того, что видел в утреннем сне. Метнувшись в сторону, ваххабит сумел подхватить оброненный "калаш", но опережая его,

"кафир" вскинул свой автомат. Последнее, что увидел боевик, прежде чем грудь обожгло нестерпимой болью, а сознание навек погрузилось в чёрную бездонную пустоту, был холодный прищур светлых глаз русского под редкими белёсыми бровями...

Рустам ИЛЬЯСОВ
Фотосерия КОРЕЦА
и Николая ПЕТЕЛИНА

БОЕВЫЕ ТРУЖЕНИКИ НЕБА

Вот уже тридцать лет белая полоса на хвостовой балке вертолёта — отличительный знак винтокрылых машин, которые поднимают в воздух пилоты авиационных частей войск правопорядка. В их числе — ростовский смешанный полк и краснодарская отдельная эскадрилья Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск МВД России.

У представителей земных воинских профессий отношение к вертолётчикам всегда было особым. Как только не называют их в разговорах между собой окопный люд: и “укротителями железных стрекоз”, и “повелителями ветров”, и “крылатыми спасателями”. Но самыми, пожалуй, меткими определениями были и останутся “ангелы небес” и “труженики неба”, лучше других передающие суть боевой работы вертолётчиков.

“ПРИДЁТ КОМАНДА — МАШИНЫ ВЫРУЛЯТ НА СТАРТ”

— Грозный-сити, господа! Приехали, — пошутил командир экипажа Ми-8, доставив группу донских журналистов на аэродром “Северный”. Пока солдаты разгружали упаковки писем, ящики и тюки с подарками, собранными земляками для военнослужащих новочеркасского соединения внутренних войск, пишущая и снимающая братия знакомилась с экипажем, наперебой задавая вопросы его командиру, подполковнику Андрею Рудакову.

С этим офицером мы знакомы давно. Наша первая встреча произошла ещё в конце девяностых, на авиационном празднике, традиционно проходящем на ростовском военном аэродроме. Андрей Витальевич, тогда ещё майор, представился перед мной во всём великолепии парадной летной формы и

блеске наград, от которых рябило в глазах...

После окончания Сызранского военного авиационного училища его направили в Московский военный округ. Едва молодой лейтенант научился, как говорят у лётчиков, уверенно держаться в небе, как получил приказ убыть в командировку в район ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС для выполнения специальных задач. Так что его становление и как профессионала, и как офицера начиналось в весьма непростых обстоятельствах.

— О том, чтобы отказаться или найти какую-либо причину не поехать в командировку, мыслей вообще не возникало, — вспоминал офицер тот период службы. — Мы были готовы выполнить любой приказ Родины, так нас воспитывали с младых ногтей. Как говорится: “Придёт команда — машины вырывают на старт”. К

тому же в двадцать два года не представляешь всех последствий пребывания в подобных условиях. Работа предстояла хоть и сложная, но интересная. Почти месяц перевозили специалистов и всевозможные грузы к тому злосчастному энергоблоку и искорёженному взрывом реактору. Вроде не особо продолжительный отрезок времени, но свою дозу облучения экипажи хватанули...

Напоминание о той первой горячей командировке — орден Мужества, что сверкает на парадном кителе офицера. Да всплывающие время от времени в тревожных снах пилота виды брошенной, покинутой жителями Припяти, некогда пронесившиеся под фюзеляжем его вертолёта: безлюдные улицы, многоэтажки, в которых никто не живёт, пустынные детские площадки, засыпанное “чертовое колесо” в парке с качающимися на ветру пустыми люльками...

Всё это хотелось быстрее забыть. Не получилось: не прошло и десяти лет, как на чернобыльские кошмарные видения стали накладываться чеченские реалии.

Ко всем боевым делам и заботам Андрея Рудакова, ставшего в 1994 году старшим лётчиком вертолётного звена, добавились ещё одна: в этом же году в ростовский авиационный полк внутренних войск для дальнейшего прохождения службы прибыл его родной брат Иван. Андрей сразу предупредил младшего, чтобы не ждал никаких поблажек по службе, что спрос с него будет учинять по-родственному, то есть с двойной строгостью.

Назначили Ивана в экипаж Ми-26. Машина хорошая, надёжная. Но абсолютно беззащитная, не имеющая собственного вооружения и, следовательно, при полётах в боевых условиях нуждающаяся в постоянном прикрытии. Потому Анд-

рей, если позволяла обстановка, всегда старался понасть в ту пару, которой ставилась задача по сопровождению воздушного тяжеловоза, чтобы воочию убедиться, как идут дела у брата. И при необходимости тут же прийти на выручку. А если их маршруты не совпадали, места себе не находил, пока не получал известие, что вертолёт брата вернулся на аэродром базирования целым и невредимым.

Но случилось так, что Рудакову-младшему вместе с сослуживцами в одной из командировок пришлось изрядно попереживать за экипажи Андрея и его напарника. Боевики устроили засаду в Черноречье. Войсковую колонну, попавшую в бандитскую западню неподалёку от бывшего санитарного комплекса, долбили по классической схеме: подожгли головную и замыкающую “коробочки” и методично расстреливали яростно огрызавшуюся, занявшую

круговую оборону пехоту. На помощь вылетела пара Ми-8: ведущим шёл один из опытейших лётчиков ростовского полка Александр Мирошниченко, ведомым — Андрей Рудаков.

Оказавшись над местом боя, экипажи обнаружили обозначенный дымами пятачок, где были сосредоточены раненые бойцы, нуждавшиеся в срочной эвакуации. Мирошниченко повёл свою вертушку к земле. К его вертолёту сразу потянулись дорожки трассирующих пуль из зенитки. Рудаков раздумывал недолго: обработав опушку из курсового пулемёта, Андрей снизился и своей машиной прикрыл борт ведущего, в который уже спешно заносили “трёхсотых”. Когда загрузка закончилась, Мирошниченко поднял свою “восьмёрку”, чтобы с высоты прикрыть ведомого, пока экипаж Рудакова завершал эвакуацию раненых. Обстрел продолжался, но был уже не такой интенсивный: многие огневые точки “духов” были погашены...

Только выведя машины из-под огня и взяв обратный курс, экипажи смогли перевести дух. Первым, кто встретил Рудакова на взлёте, был младший брат. В глазах Ивана читался немой вопрос: “Ну как?”. Обняв его, Андрей ответил: “Всё в норме. Немного отдышись — расскажу подробности. Но сразу предупреждаю: они не для родителей...”. После

Подполковник А. Рудаков
в кабине вертолёта

того “санрейса” к наградам офицера Андрея Рудакова прибавился орден “За военные заслуги”.

До 2004 года братья служили в

одном полку, летали бок о бок. Потом младшему по настоянию врачей пришлось уйти в запас. А старший и ныне поднимает в воздух винтокрылые машины. Кстати, в не-

стрельбы. Через несколько минут начнётся предполётный инструктаж.

Любая авиационная часть – особая территория с самобытным пси-

повторился в Ростове-на-Дону. География горячих точек, в которых довелось летать краснодарцам, постоянно расширялась.

– Сегодня на карте Северного Кавказа и Кубани нет, наверное, ни одного населённого пункта, над которым не пролетали бы наши “тяжеловооружённые голуби” с белой полосой на хвостовой балке, – говорит ветеран эскадрильи заслуженный боевой лётчик полковник запаса Леонид Лобанов. – В начале девяностых всем приходилось нелегко, в том числе и военным лётчикам. Не хватало топлива на лётную подготовку экипажей, техника выработала свои ресурсы. И люди, и вертолёты пахали на износ, на пределе своих возможностей. Но именно тогда сложился костяк коллектива, в который вошли лучшие пилоты, получившие боевое крещение ещё в небе Афганистана.

Краснодарские экипажи спасали людей с затопленных территорий во время разлива горных рек в Дагестане, участвовали в поисках рыбаков, сбившихся с курса в штормовом море, помогали разыскивать и задерживать бежавших преступников. Одно слово: эскадрилья специального назначения!..

В помещении командного пункта огромные окна, поэтому здесь всегда светло. Командир части полковник Василий Молчанов вместе с заместителем по лётной подготовке подполковником Виктором Титовым внимательно наблюдают за полётами. Разворот против ветра, снижение скорости, мастерский заход на площадку – и очередная вертушка буквально впечатывается в землю всеми тремя шасси.

– Ми-8 – любимый тип вертолёта, и честно скажу: для меня лучше машины нет! – увлечённо говорит подполковник Титов. – Ты её пожалеешь, а она тебя не раз спасёт, из самой серьёзной передраги вынесет. Это универсальный вертолёт: и грузы доставит, и десант перебросит в заданную точку, и огневую поддержку ему окажет при необходимости, и раненых с любого пяткача заберёт...

В последние годы Кавказские горы видят краснодарских вертолётчиков чаще, чем их жёны и дети. А сами пилоты в шутку говорят, что после столько лет боевых вылетов могут передвигаться над Чечней и Дагестаном, ориентируясь даже по

бе Андрей Витальевич “живёт” дольше, чем на земле: лётный стаж сорокачетырёхлетний подполковника перевалил за сорок восемь лет! Бывает такое у пилотов, которым довелось летать в основном в горячих точках...

Вот о чём подумалось нам, пока гражданские коллеги пытались Рудак: мол, не страшно там, в небе?..

НАЙДЁТСЯ ЛИ ТАКОЙ ХУДОЖНИК?

Весна, южная, неистовая, не жалея красок, преобразает серый пейзаж на территории военного аэродрома. Волнуемая ветром молодая трава цвета изумрудов шелковистыми прядями растоптана по лётному полю. Тяжёлые сиреневые грозди опунции заплетают решётку беседки, где в редкие минуты отдыха пилоты обмениваются новостями и свежими анекдотами. На лётном поле выстроились Ми-8. Их силуэты напоминают больших джоралевых стрелков.

Наблюдаем, как авиационные техники крепят к вертолётам блоки НУРСов. В плановой таблице предстоящих полётов, кроме отработки различных элементов полёта, значатся ещё и учебные

Командир краснодарской ОАЭ полковник В. Молчанов

надцать лет её лётчики несут службу на южных рубежах страны...

С первых дней формирования эскадрилья выполняла специфические задачи. Уже в мае 1994 года экипаж майора Андрея Чижова участвовал в освобождении заложников в аэропорту Минеральных Вод. Вскоре аналогичная ситуация

окуркам сигарет на земле. Шали, Кизляр, Хасавюрт, Ведено – где только не приходилось им летать! Уводя от огня боевиков свои машины, порой прижимать их вплотную к земле. И считать дырки в обшивке после чудом совершённой посадки. Те опасные полёты не обошлись без потерь, о которых всегда тяжело вспоминать. Но и забывать боевых товарищей нельзя!

6 августа 1996 года при выполнении специальной задачи в Чеченской республике были сбиты два вертолёта краснодарской эскадрильи. Сразу эвакуировать экипажи не удалось: боевики, всегда имевшие зуб на вертолётчиков, словно волки, почуявшие добычу, обложили места вынужденной посадки и попытались захватить пилотов. Завязался неравный бой. Вплоть до подхода бронегруппы 101-й бригады шла отчаянная перестрелка, в ходе которой погиб капитан Сергей Забоев. Кавалер двух орденов Мужества, он похоронен в Краснодаре на Аллее Славы, фамилия отважного офицера высечена на мемориальной доске возле Вечного огня...

В краснодарской эскадрилье крепнут и множатся боевые традиции. Одна из них – лётные династии. Можно сказать, что тон здесь задаёт командир части полковник Василий Молчанов. Он служит в эскадрилье практически со дня ее формирования, а за время командования сумел вывести её в число лучших авиационных частей в Се-

веро-Кавказском региональном командовании внутренних войск МВД России. Лётчик-снайпер, удостоенный нескольких боевых наград, потомственный авиатор, так же как и его родной брат Спартак. В семье полковника запаса Леонида Лобанова сразу четыре лётчика: три сына пошли, а точнее – взлетели в небо вслед за отцом. Эстафету бывшего заместителя командира части по лётной работе полковника запаса Олега Позднякова сегодня принял его сын – Олег Олегович. Он уже командир экипажа и по праву считается одним из опытных пилотов эскадрильи.

– Я ещё в детстве решил, что буду лётчиком, – говорит Поздняков-младший. – Отец всюду брал меня с собой, так что вертолёт заменил мне детскую площадку: в три года я впервые поднялся в воздух на винтокрылой машине. Тогда, правда, только в качестве пассажира. Но те незабываемые ощущения помню до сих пор. Помню, как однажды, уже будучи лётчиком, признался отцу, что никак не могу выполнить один из сложных элементов пилотирования. Не даётся – и всё тут! На что получил родительский ответ: “Старайся, сын. У тебя не может не получиться, ты же лётчик в третьем поколении. Потерпеть неудачу не позволят ни родословная, ни генетика!”. Так оно и вышло...

Аэродром жил своей насыщенной полётами жизнью. За уходящими в небо и совершавшими сложные манёвры вертолётами прис-

тально следил заместитель командира эскадрильи по лётной подготовке подполковник Титов. Казалось, ничто не может отвлечь и, профессионал до мозга костей, он полностью сосредоточен на выполнении своих обязанностей. Но неожиданно подполковник повернулся к нам и произнёс:

– Вам, журналистам, наверное, проще, чем другим, будет понять, что каждый полёт для нас, лётчиков, – это не только работа, но и творческий процесс. Я вот иногда думаю: Айвазовский был великим маринистом, Шишкин писал непревзойдённые лесные пейзажи. А где же художник, что на холсте сможет передать то счастье простора, которое дарит человеку небо?! Найдётся ли такой?..

Найдётся, обязательно найдётся! И наверняка он будет бывшим или действующим лётчиком – профессионалом и романтиком в душе. ★

Капитан Татьяна МЕЖАНОВА, прапорщик Нилина МИШИНА

Фото Виктора БОЛТИКОВА, Александра БАРАБАШОВА и из семейных альбомов лётчиков

P.S. Когда материал готовился к печати, стало известно, что подполковник Андрей Рудаков получил повышение и убыл из Ростова к новому месту службы – в Новосибирск, где принял должность заместителя начальника авиации Сибирского регионального командования внут-

НЕДЕЛЕЙ РАНЬШЕ. СМИРНОВ

– Решение командира на сутки есть?

– Так точно. – Начальник караула раскрыл перед проверяющим прошнурованную и скреплённую печатью книгу службы, и подполковник придирчиво-сосредоточенно начал изучать страницу, испсанную мелким, убоирым почерком коменданта. Прищурив глаза, он тщательно вчитывался в выведенные синей пастой строки, словно надеясь найти орфографическую ошибку или ещё какой-нибудь огрех в документе.

Смирнов молча наблюдал за Алдановым, державшимся сухо, подчёркнуто строго, как и положено офицеру управления бригады; за начкаром, чётко и односложно, но с заметным напряжением отвечающим на вопросы подполковника. Всё внимание было сосредоточено на старшем комплексной группы, и это было на руку ему, Смирнову.

Впрочем, поначалу военнотружающие здешнего подразделения по охране важных государственных объектов нет-нет да и косились на незнакомого майора. Но потом, когда Алданов начал спрашивать у каждого из прапорщиков и контрактников их обязанности, давать вводные, проверяя боеготовность караула, никому уже не было дела до новичка-офицера из вышестоящего штаба.

– Ну что ж, молодцы, – сдержанно похвалил местное командование Алданов. – Пока что замечаний нет. Осталось посты проверить. Надеюсь, и тут ваши орлы не подкачают.

Офицеры покинули караулку и вслед за комендантом и начкаром двинулись по извилистым коридорам объекта.

Шагая чуть позади старшего группы, Смирнов запоминал каждый поворот, переход между корпусами. Мысленно отмечал расположение постов и пожарных датчиков, под которые могли быть замаскированы портативные телекамеры.

Наконец группа свернула влево и поднялась по лестнице, где на верхнем этаже обнаружился очередной турникет и cabina часового. Сидевший в ней контролёр торопливо поднялся при появлении начальства.

Пока прапорщик докладывал обстановку, Смирнов бросил взгляд в глубь режимной зоны. Коридор с

рядами одинаковых обитых дерматином дверей заворачивал вправо. Именно тот дальний “аппендикс” и был конечной целью майора...

НЕДЕЛЕЙ РАНЬШЕ. ПОТАПОВ

Потапов, не вставая, потянулся на стуле, разминая затёкшие плечи, и вновь склонился над листом бумаги. Поудобнее ухватив карандаш, он дорисовал прямоугольник фотографии и взялся изображать печать: два круга один в другом, надпись, маленькую пятиконечную звёздочку в центре.

“Спокойней, внимательней... Представь, что твоя задача – подделать бланк этого пропуска. Чтобы никто, даже самый матёрый из наших “стариков” не распознал липу”, – звучали в голове сержанта напутствия старшего прапорщика Левченко.

Сам же взводный неторопливо прохаживался по классу. Со стороны Михалыч напоминал учителя рисования, наблюдавшего за рабо-

Наконец работа была завершена, и Потапов, поднявшись из-за стола, занял очередь за высоким худым Комаровым, чей нарисованный пропуск на вынос материальных ценностей в эту минуту изучал взводный.

– Что ж, – Левченко поднял скуластое лицо. – Всё правильно. Только вот скажи, Николай, каким шрифтом на печати значится название объекта?

– Каким? Кириллицей, естественно, Михалыч, – без раздумий отозвался Комаров.

– И ежу ясно, что не латиницей, – усмехнулся взводный. – Я имею в виду обычным шрифтом или курсивом?

– Обычным, только более мелким, – на этот раз Потапову показалось, что Комаров немного помедлил с ответом.

– Действительно мелким. Только вот как раз курсивом! – На лице Левченко промелькнула досада. – Что ж ты так опростоволохился, Николай? Понимаю, конечно, что сегодня только из отпуска вышел, подзабыл некоторые нюансы за ме-

Офицеры покинули караулку и вслед за комендантом и начкаром двинулись по извилистым коридорам объекта. Шагая чуть позади старшего группы, Смирнов запоминал каждый поворот, переход между корпусами. Мысленно отмечал расположение постов и пожарных датчиков, под которые могли быть замаскированы портативные телекамеры.

той своих учеников. Время от времени он подходил к кому-нибудь из контролёров, то смотрел на его творение довольно благодушно, то, напротив, сокрушённо вздыхал, едва заметно качая головой. И тогда прапорщик или контрактник впиался глазами в бумагу, выискивая огрех.

Покончив с печатью, Потапов принялся за шифры. Первый – треугольник с замысловатой загогулиной внутри – дался ему довольно легко. Над следующим – шестерёнкой с буквой “л” в центре – пришлось поломать голову, вспоминая все особенности этого условного знака на пропуске. Поначалу он даже забыл поставить закорючку в начале буквы...

ся, но всё равно... Ведь третий год уже служишь!

Понурившийся Комаров вздохнул и отошёл, уступая место Потапову.

– Ну, а у тебя какие успехи? – Левченко лишь мельком глянул на свеженарисованный внутриобъектовый пропуск и тут же, в сердцах чертыхнувшись, отодвинул от себя лист бумаги. – Ёлки-палки, вы что сегодня, сговорились? Один забыл, как печать выглядит, другой – как шифр!

– А чего шифр? – возразил было Потапов. – Всё правильно: шестерёнка, внутри буква “л”...

– Правильно, говоришь? Ну-ка сравни, Айвазовский! – взводный пододвинул к сержанту образцы

КЛЮЧЕВАЯ ШЕСТЕРЁНКА

пропусков. – Что, нашёл отличие?

– Нашёл... – пробормотал контролёр. На шестёрёнке, изображённой на пропуске, было восемь зубцов, а у нарисованной им, Потаповым, – семь...

– В общем так. – Левченко обвёл контролёров усталым и немного недовольным взглядом. – Те, кто сегодня с задачей не справились, завтра прибывают на службу на полчаса раньше, и до инструктажа изучают образцы, а потом на память рисуют их. И так – перед каждым заступлением. А в четверг я лично у каждого из вас зачёт приму по всем десяти видам пропусков!

* * *

– Нет, на Михалыча нашего точно что-то нашло. – Эти слова Потапов произнёс уже в курилке во время перерыва. – Понятное дело, все эти бланки с шифрами и печатями надо назубок знать, но так-то придирается зачем? И вообще, придумал тоже – рисовать... Академию художеств нашёл!

– Михалыч зря не придирается, – покачал головой Комаров. – Как ты ещё сможешь запомнить пропуск, если сто раз, до последней чёрточки его не перерисуешь? Это же не Левченко такое придумал. Помнишь, лет десять назад в день части я с ветераном одним общался. Он аж при Берии здесь служить начинал. Так тогда то же самое было. Пойми, все эти способы тренировки памяти десятилетиями проверены! А подделку можно в считанные секунды распознать только тогда, когда ты образцы документов до последнего штриха помнишь будешь.

– Ты что, Колька, думаешь, шпионы рискнут к нам сунуться? – саркастически хмыкнул сержант. – Да к объекту им на полкилометра не подойти: кругом камеры да сигнализация! А тем более в режимную зону – до неё ещё два поста надо миновать.

– Верно, два. Да только через них можно и без шифра, на котором ты сегодня засыпался, пройти. А вот в режимную зону, где у нас шестой пост выставлен, только с этой шестёрёнки в пропуске. И не дай бог посторонний туда попадёт... Сам знаешь, какие разработки в тех лабораториях ведутся и сколько те же американцы готовы отдать, что-

бы хоть на один опытный образец краском глаза глянуть.

– Если захотят, всё равно проникнут, – убеждённо возразил Потапов. – Уж нам-то их точно не останавить. Мы ведь кто? Так себе, мелкие винтики в большой системе.

– Э нет, брат, – усмехнулся прапорщик. – Мы-то как раз и стоим на переднем рубеже. Кто, если не ты, отличит на посту чужака от своего? Помнишь, полгода назад соседняя смена студентов-практикантов задержала, когда они аппаратуру на

кабины на проходной. Подавая документы в окошко, он осторожно покосился в сторону часовых: «Да, серьёзные ребята! Ну ничего, прорвёмся!».

Получив квиток разового пропуска, он подошёл к часовым, протянул его вместе с паспортом. Досконально изучив документы посетителя и раза три придиричиво сверив фотографию с оригиналом, прапорщик наконец-то произнёс дежурное: «Пожалуйста, проходите» – и нажал на педаль турникета, про-

Свернув влево, Смирнов поднялся по лестнице на верхний этаж, где блестел турникет. В кабине скучал молоденький белообрый контролёр лет двадцати двух в погонах сержанта. «Небось без году неделя служит... Отлично! Этот-то наверняка лопухнётся...» – довольно подумал майор, подходя к КПП.

десять тысяч баксов из режимной лаборатории по липовым накладным вынести пытались? И ведь как эти поганцы на компьютере материальный пропуск с сопроводительными бумагами подделали. Экспертиза и то не сразу определила, а наши в момент подделку распознали! Нет, мы с тобой не винтики, а самые что ни на есть ключевые, ведущие шестёрёнки!

ДЕНЬ “Ч”. СМЕРНОВ

Сегодня Смирнов был в штатском: в видавшей виды ветровке и потёртых джинсах, с двухдневной щетиной на лице – ни дать ни взять едва сводящий концы с концами аспирант или инженер-оборонщик, занятый наукой до полного невнимания к себе. Вряд ли кто из контролёров узнал бы в этом неприметном молодом мужике того майора из штаба соединения. Впрочем, об этом можно было не беспокоиться, ибо в сегодняшнем карауле не было никого из тех, кто мог видеть Смирнова в прошлый приезд.

Он пересёк улицу, завернул за угол, где среди приземистых пятиэтажек в режимную зону, где у нас шестой пост выставлен, только с этой шестёрёнки в пропуске. И не дай бог посторонний туда попадёт... Сам знаешь, какие разработки в тех лабораториях ведутся и сколько те же американцы готовы отдать, что-

бы хоть на один опытный образец краском глаза глянуть. – Если захотят, всё равно проникнут, – убеждённо возразил Потапов. – Уж нам-то их точно не останавить. Мы ведь кто? Так себе, мелкие винтики в большой системе. – Э нет, брат, – усмехнулся прапорщик. – Мы-то как раз и стоим на переднем рубеже. Кто, если не ты, отличит на посту чужака от своего? Помнишь, полгода назад соседняя смена студентов-практикантов задержала, когда они аппаратуру на

пуская Смирнова на территорию объекта.

Пройдя по знакомому коридору, майор спустился на цокольный этаж. В “предбаннике” перед стеклянным переходом огляделся – никого. Достал паспорт, вынул квиток разового пропуска и вложил другой – маленький квадратик, на котором также значились его паспортные данные, но в верхнем правом углу красовался шифр – шестёрёнка с буквой “л” внутри. Такие вкладыши иногда выдавались на объекте для прохода в режимную зону, куда первый отдел и комендатура изготавливали новому сотруднику постоянную “корочку”.

Свернув влево, Смирнов поднялся по лестнице на верхний этаж, где блестел турникет. В кабине скучал молоденький белообрый контролёр лет двадцати двух в погонах сержанта.

“Небось без году неделя служит... Отлично! Этот-то наверняка лопухнётся...” – довольно подумал майор, подходя к КПП.

Напустив на себя простодушно-задумчивый вид, он протянул паспорт со вкладышем часовому. Контролёр принял документ, сверил фото с лицом Смирнова, начал рассматривать пропуск. Лицо сержанта на миг напряглось, но тут же вновь стало вялым, скучным.

“Есть! Не просёд!” – мысленно аплодировал себе офицер. Ему о-

тавалось только пройти в режимную зону, свернуть в “аппендикс” и...

– Извините, а к кому вы направляетесь? – неожиданно задал вопрос сержант...

ДЕНЬ “Ч”. ПОТАПОВ

После обеда Лёху неумолимо клонило в сон. Он то и дело поглядывал на часы, мечтая лишь о том, чтобы смена скорее кончилась. Впрочем, сегодня ему повезло: попал он не на головной КПП, где всегда большой поток народа, а сюда, где в день проходят от силы пятнадцать-двадцать человек. А кроме того Михалыч наконец-то угомонился...

При воспоминании о взводном у Потапова вырвался невольный вздох: как же, больше недели их, кто на занятиях оплошал, заставлял пропуска рисовать, спрашивал без устали по всем инструкциям и табелям постам... Эти шифры, печати да условные обозначения аж сниться начали!

Мысли часового прервали шаги на лестнице. Потапов встал, разглядывая поднимающегося на этаж незнакомого мужчину лет тридцати в поношенной серой ветровке.

“Новый сотрудник, что ли? Точно!”

Мужчина протянул паспорт с бежевым квадратиком временного пропуска. Все документы были в порядке, на вкладыше чётко прос-

– Понимаете... – начал объяснять Потапов. – Если вы к Крылову, то он вышел минут двадцать назад. А если к профессору Чернышёву, то он на обеде и обещал вернуться только через час... – Лёха умышленно затягивал время, чтобы нарушитель ничего не заподозрил, пока на пост не примчится тревожная группа...

матривались печать и шифр.

Потапов пристально всмотрелся в него. Шестёрёнка с буквой “л” внутри была положенного синего цвета, но что-то сержанту не нравилось в ней, не давало вернуть документы владельцу и нажать педаль турникета...

“Стоп... Зубцы на шестёрёнке... Их не восемь, а шесть. Точно, шесть!”

Лёха незаметно нажал под столом потайную кнопку и, напустив

на себя равнодушный вид, поднял глаза на стоящего перед ним мужчину.

– Извините, а к кому вы направляетесь?

– А какое это имеет значение? – вежливо, но с некоторым беспокойством отозвался посетитель.

– Понимаете... – начал объяснять Потапов. – Если вы к Крылову, то он вышел минут двадцать назад. А если

лагодарить всех за образцовое несение службы. А во-вторых, – майор сделал паузу, придавая следуюющей фразе особую торжественность, – пять минут назад мне сообщили, что по итогам сегодняшней негласной проверки командир бригады принял решение поощрить сержанта Потапова премией в размере оклада. Алексей у нас хоть и служит всего ничего, а такого матёрого спеца, как подполковник Алданов, сумел обыграть. Они ведь эту учебную “диверсию” не одну неделю вместе с режимным отделом готовили... В общем, так держать, Лёха! – Майор от души пожал руку зардевшемуся от смущения сержанту.

...Уже на улице по дороге к автобусной остановке Потапов догнал Левченко:

– Михалыч, спасибо. Не заставили бы вы меня всю неделю пропуска рисовать – как пить дать прохлопал бы я сегодня этого “лазутчика”. В общем, с меня за науку причитаётся...

★
Капитан
Константин АЛЕКСЕЕВ
Фото Виктора БОЛТИКОВА

Фамилии, условные обозначения, шифры, номера и дислокация постов изменены.

Владимир Михайлович Панов родился 10 февраля 1954 года в Тамбовской области. В 1976 году окончил Пензенский инженерно-строительный институт. В 1980 году, после работы в гражданских строительных организациях, призван в Вооружённые силы, где почти 20 лет занимался строительством жилья для военнослужащих. С января 1998 года – в Главном командовании внутренних войск МВД России на должности начальника управления расквартирования и строительства тыла внутренних войск. Награждён орденами Почёта и Дружбы народов, многими медалями, имеет почётное звание “Заслуженный строитель Российской Федерации”. Женат, воспитывает двоих детей.

Начальник управления расквартирования и строительства

ГКВВ МВД России – заместитель начальника тыла генерал-лейтенант Владимир ПАНОВ:

С КАЖДЫМ ГОДОМ МЫ СТРОИМ ВСЁ БОЛЬШЕ

– Товарищ генерал-лейтенант, мы беседовали с вами год назад. Но жилищная проблема так волнует наших читателей, что они попросили вновь встретиться с вами и задать ряд вопросов. Что сделано за это время и каковы ближайшие перспективы жилищного строительства во внутренних войсках?

– За год изменилось очень многое, и это почувствовали на себе сотни семей военнослужащих, получивших ключи от новых квартир в Московской, Нижегородской и Калужской областях, а также в Можоке, Пятигорске, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Новосибирске и Хабаровске.

В прошлом году на строительство постоянного и служебного жилья нам было выделено 1,073 млрд рублей. В нынешнем эта сумма увеличилась до 3,4 млрд рублей, на 2009 год запланировано 8,2 млрд, а на 2010 год – 13,4 млрд рублей. Как видим, денег для обеспечения жильём своих защитников государство не жалеет, а значит, в ближайшее время наше управление без работы не останется.

Планов – громадье. С каждым годом мы строим всё больше. Только в настоящее время для военнослужащих внутренних войск проектируется и строится несколько десятков жилых домов на 12 тысяч квартир, более тысячи из которых получат москвичи.

В марте-апреле следующего года планируется ввести в эксплуатацию две многоэтажки на 250 квартир на улице Ивантеевской, полным ходом идут проектные работы по строительству жилых домов на 194 квартиры на улице Энергетической, на 240 квартир на Красноказарменной улице, на 115 – в Сыромятинском проезде и на 250 – в Зеленограде.

Завершается строительство трёх общежитий на 320 квартир в подмосковном микрорайоне “Витязь”, что недалеко от Балашихи. В перспективе на этом месте будет возведён целый жилой комплекс на 1500 квартир, куда вселятся очередники Московского гарнизона.

Наконец-то удалось сдвинуть с мёртвой точки жилищную проблему в Санкт-Петербурге. Сейчас в Приморском и Красносельском районах северной столицы строятся два жилых комплекса на 351 и 280 квартир, что значительно разгрузит очереди, образовавшиеся в Северо-Западном региональном командовании и Санкт-Петербургском военном институте внутренних войск МВД России. Новые дома для наших людей возводятся на Северном Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке.

– В рамках исполнения поручения Правительства РФ с 2007 года внутренним войскам выделяются денежные средства на аренду жилых помещений для военнослужащих и членов их семей. Правда ли, что до 2013 года все они будут обеспечены постоянным и служебным жильём, и денег на аренду больше не потребуются. Реально ли, что к тому времени все военнослужащие получат квартиры?

– Думаю, да. Президент Российской Федерации поставил внутренним войскам МВД России чёткую задачу: к концу 2011 года обеспечить всех военнослужащих постоянным, а к концу 2013 года – служебным жильём.

Однако всё это – в ближайшей перспективе, а ведь людям надо где-то жить уже сегодня. Опираясь на букву закона, Министерству внутренних дел удалось убедить Минфин ежегодно выделять внутренним войскам по 130 миллионов рублей в 2007–2010 годах. Кроме того, в 2009 и 2010 годах на эти цели планируется дополнительно выделить ещё по 150 миллионов рублей.

Как только “арендные” деньги пришли в войска, некоторые командующие региональными командами и начальники тыла начали использовать их не совсем рационально. В результате контрольно-ревизионное управление МВД России выявило множество нарушений законодательства. Главное из них – непродуманный подход к заключению договоров на аренду квартир, в результате чего выделенных на год денежных средств где-то хватило на полгода, а где-то всего на один квартал.

Чтобы исключить подобное в будущем, всем командующим, начальникам вузов и командам частей непосредственного подчинения Главному необходимо внимательно проанализировать сложившуюся си-

туацию, заранее согласовать с нами свои квоты и ни в коем случае не заключать договора по завышенным ценам. В первую очередь это касается Сибирского регионального командования, где выявлено больше всего нарушений. Пользуясь предоставленной возможностью, хочу строго предупредить всех командиров и начальников, чтобы каждый из них был готов отчитаться за использование денег, выделенных на аренду жилья, и ответить за каждую нерационально потраченную копейку.

– Согласно недавно принятой поправке к статье 44 Закона “О внутренних войсках”, теперь жильё для военнослужащих частей по охране важных государственных объектов и специальных грузов будет строиться за счёт бюджета внутренних войск. Что это реально даст войскам?

– Новшество заключается в том, что если у администрации охраняемого войсками объекта нет возможности обеспечить наших людей квартирами, то главнокомандующий внутренними войсками получает право выделить им служебное жильё за счёт войск.

Отныне при увольнении по основаниям, дающим право на предоставление постоянной жилой площади, офицеры и прапорщики частей по охране ВГО будут получать квартиры за счёт средств федерального бюджета по аналогии с военнослужащими оперативных и специальных моторизованных воинских частей.

Мы долго добивались этих изменений, поэтому восприняли их как руководство к действию. Сразу же активизировалась работа с руководителями объектов, которые охраняют наши войска. На сегодняшний день завершается оформление земельных участков под строительство жилых домов, выполнены предпроектные работы и начато проектирование жилья в Новоуральске, Озёрске, Снежинске и Сарове.

К сожалению, несмотря на работу, которую проводит Главное командование внутренних войск, далеко не все руководители министерств и ведомств, объекты которых охраняют наши военнослужащие, с должным пониманием относятся к решению их жилищного вопроса.

– Ещё недавно исключением из этих правил являлся Росэнергоатом, предоставляя служебные квартиры военнослужащим, ох-

раняющим атомные электростанции. Как сейчас налажено взаимодействие?

– С этим ведомством у нас сложились хорошие деловые отношения. Руководство концерна давно вышло в суть жилищной проблемы наших военнослужащих и наметило пути её решения, дополнительно выделив на эти цели 500 млн. рублей.

Работа в этом направлении проводится сразу по нескольким позициям. Одна из них – реализация решения руководства Росэнергоатома и ГКВВ МВД России о безвозмездной передаче объектов жилого назначения на баланс МВД России и последующим формированием служебного жилищного фонда, не подлежащего приватизации и передаче по договорам социального найма.

В настоящее время внутренним войскам передано 160 квартир для военнослужащих, охраняющих Балаковскую, Калининскую, Курскую и Смоленскую атомные электростанции. В третьем квартале нынешнего года новосёлами станут ещё 98 семей офицеров и прапорщиков, несущих службу по охране Ленинградской, Билибинской и Волгодонской АЭС. В стадии строительства 222 квартиры, в которые вселятся военнослужащие, охраняющие Смоленскую, Нововоронежскую, Кольскую и Белоярскую атомные электростанции. Всё это позволит обеспечить служебным жильём почти 100 процентов военнослужащих, выполняющих задачи по охране АЭС.

– Владимир Михайлович, год назад вы высказывали большие претензии по поводу темпов жилищного строительства на Дальнем Востоке. Недавно вы побывали в Восточном региональном командовании. Что там изменилось, как работают офицеры отдела капитального строительства ВРК?

– Ситуация на Дальнем Востоке кардинально поменялась с приходом нового командующего генерал-майора Виктора Стригунова. Он взял под строгий личный контроль и строительство жилья для военнослужащих, и благоустройство военных городков. В результате сейчас Восточное региональное командование представляет из себя одну большую строительную площадку. Работа там кипит по всем направлениям: одновременно обустраиваются штаб объединения, батальон обеспечения, вновь формируемая бригада внут-

ренных войск во Владивостоке, оперативная бригада в Хабаровске и батальон по охране ВГО в Эльбране. Кроме того, началось строительство нового здания военного госпиталя в Хабаровске, 63-квартирного жилого дома в Южно-Сахалинске. В ноябре запланирована сдача двух подъездов в многоэтажке во Владивостоке и 45-

нашего управления. После принятия нового Земельного кодекса, где определено, что земля, находящаяся в собственности муниципальных образований, предоставляется под строительство только через аукционы, всё перевернулось с ног на голову, и теперь мы с боем добиваемся предоставления земельных участков под новостройки. Прежде всего это касается Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодар, Ростова-на-Дону и других административных центров, где активно ведётся жилищное строительство.

Кажется, ситуация начала меняться к лучшему, как только этой проблемой заинтересовался Президент России Дмитрий Медведев. На одном из совещаний с руководящим составом МВД глава государства поручил Министерству регионального развития проработать вопрос об упрощении процедуры выделения земельных участков под строительство жилья для военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. Свои предложения мы подготовили и направили в Минрегионразвития РФ. Так что остаётся только ждать положительного решения вопроса.

– Не будете же вы сидеть сложа руки, пока он решится, ведь чтобы уложиться в сроки, установленные Президентом России, останавливать строительный процесс нельзя. Как же вы выходите из положения, неужели везде к нам относятся с прохладцей, не хотят пойти навстречу?

– Я бы не сказал, что везде всё плохо. В Сибири, например, проблемы войск понимают и стараются помочь. У нас налажены хорошие деловые отношения с мэрами Новосибирска, Омска, Ангарска, Иркутска, а с недавних пор и губернатором Санкт-Петербурга. Во многих регионах отношение к войскам изменилось после того, как их руководители поняли, что мы приходим к ним не с протянутой рукой, как это было ещё 10-15 лет назад, а с реальными живыми деньгами. А это, в свою очередь, налоги, которые остаются в регионе, новые рабочие места, неплохая зарплата местных строителей и многое другое, что делает наше сотрудничество взаимовыгодным.

К сожалению, наряду с положительными моментами, много у нас и нерешённых проблем. Основные из них – бюрократические проволочки и бумажная волокита, растягивающиеся на долгие годы.

Построили мы, например, на территории софринской оперативной бригады жилой комплекс на 500 квартир. Прошло время, около 100 семей потеряли связь с войсками, но по-прежнему живут в военном городке. Что делать? Мы приняли решение построить жилой дом в посёлке Софрино и переселить туда людей. Пришли к главе администрации: мол, так и так, готовы выполнить все технические условия, провести проектные работы и построить дом. Дайте только земельный участок. Чиновник нам не отказал, отметил лишь, что вопрос этот надо хорошенько обдумать.

С тех пор прошло почти два года, а воз и ныне там. В Софрино уже и руководитель поменялся, а наш вопрос так и находится в стадии обсуждения. За это время мы бы не один дом построили, а так вынуждены топтаться на месте. Мало того, пока суд да дело, уволенные из войск люди завалили нас жалобами, требуя оформить служебные квартиры в их собственности, на что мы пойти не можем.

А вот ещё один пример. Осенью 2006 года мы сдали под ключ новый дом в микрорайоне Дзержинский, что недалеко от Балашихи, заселили его, но до сих пор люди живут в неоформленных квартирах, следовательно, не могут в них прописаться. Оказалось, что перед тем, как поставить дом на баланс города, нам необходимо согласовать с непонятно откуда взявшимися владельцами частных земельных участков, произвести размежевание границ, собрать с десятков подписей чиновников всех рангов и оформить землю под домом на внутренние войска. Спрашивается, зачем это нужно, если дом уже стоит и в нём проживают люди? Без заветного штампа в паспорте они ни в поликлинику сходить не могут, ни детей в садик или школу устроить.

– Владимир Михайлович, исполнилось три года, как в России была введена накопительно-ипотечная система (НИС) обеспечения жильём военнослужащих. А это значит, что уже в нынешнем году должны справиться новоселье офицеры, вступившие в ипотеку после 1 января 2005 года. Как идёт работа в этом направлении?

– Сегодня во внутренних войсках участниками НИС являются 3609 военнослужащих, из которых 575 включены в программу три года назад. Единственный недостаток в том,

что система эта совершенно новая, потому и чёткого механизма реализации прав военнослужащих, приобретающих квартиры по ипотеке, до сих пор нет. Безусловно, есть в НИС ряд непроработанных моментов, но все возникающие вопросы постепенно снимаются. Многих, например, не устраивает сумма, которая ежегодно поступает на именные накопительные счета военнослужащих. На этот год она определена в размере 89900 рублей, а это, согласитесь, деньги немалые. Они реально позволяют человеку приобретать по 3-4 кв. метра жилой площади в год, на что, собственно, программа и рассчитана.

Во внутренних войсках с ипотекой начали работать в конце 2005 года, так что на сегодня ещё никто из военнослужащих новоселье не справил. Как они будут приобретать жильё, пока неизвестно, но я думаю, что государство не откажется от своих обязательств и выполнит все обещания.

По моему мнению, ипотеку ждёт судьба государственных жилищных сертификатов. Как вы помните, в первые годы действия программы ГЖС военнослужащие шарахались от них, не хотели брать. Со временем ситуация изменилась, и сейчас люди всё охотнее получают сертификаты и реализуют их на рынке жилья.

– Как показывает практика, многие молодые офицеры с недоверием относятся к ипотеке. Отчего это происходит?

– Система накопительно-ипотечного обеспечения жильём совершенно новая, не имеющая аналогов.

Главное преимущество НИС – в адресном целевом использовании денежных средств, направляемых на решение жилищной проблемы, и установлении зависимости качества приобретаемого жилья от продолжительности военной службы, а не от нуждаемости в жильё. Военнослужащий получает возможность приобрести квартиру в собственность в любое время, не дожидаясь окончания срока службы, а также выбрать место-расположение и размер жилья.

К сожалению, как и всё новое, НИС вызывает определённую настороженность у военнослужащих, которые могут в ней участвовать. Связано это, на мой взгляд, с недостаточным информированием. До людей попросту не доводят всех положений действующего законодательства и не разъясняют преимущества ипотеки.

– Давно и много говорится о программе государственных жилищных сертификатов, однако желающих стать её участниками не так уж много, особенно в мегаполисах, где реальная цена одного квадратного метра жилья в несколько раз выше той, что определена в сертификате.

– Позволю себе с вами не согласиться. В 2006 году участвовать в подпрограмме “Государственные жи-

лительных субъектов РФ. Кроме того, для Дальневосточного экономического района, Москвы и Санкт-Петербурга, Московской области при расчёте субсидии предусмотрен повышающий коэффициент 1,2; Восточно-Сибирского района и Свердловской области – 1,15; а Западно-Сибирского района и Калининградской области – 1,1.

– Товарищ генерал-лейтенант, в завершение нашей беседы расскажите, пожалуйста, что сегодня представляет собой строительный комплекс внутренних войск?

– Кроме нашего управления и аналогичных структур в региональных командованиях, военных институтах и соединениях внутренних войск это ещё более 200 подрядных строительных организаций по всей России, где в интересах войск трудятся свыше 30 тысяч человек различных строительных специальностей и инженерно-технических работников. Над поставленными нами задачами по проектированию новых объектов жилищного и специального назначения работают специалисты 29 проектных организаций.

В конце 2007 года приказом МВД России создан Центр заказчика-застройщика внутренних войск, на который возложены функции заказчика по строительству объектов. Новая структура сейчас полностью сформирована и успешно выполняет поставленные задачи. Также решаются вопросы по увеличению численности отделов капитального строительства в региональных командованиях и укомплектованию вакантных должностей выпускниками технических вузов.

– Владимир Михайлович, что вы пожелаете своим коллегам накануне профессионального праздника – Дня строителя?

– Строитель – это состояние души всех моих коллег, причастных к созидательному строительному процессу. И она поёт, когда люди видят результаты своего труда и радостные лица новосёлов, получающих ключи от долгожданных квартир. Искренне желаю всем строителям, их родным и близким счастья, благополучия, успехов в работе на благо внутренних войск.

★
Беседовал
подполковник
Сергей ПОРТНОВ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

90-квартирный дом в Ростове-на-Дону

квартирного дома на улице Лазо в Хабаровске.

Всё это стало возможным благодаря слаженной работе офицеров отдела капитального строительства во главе с капитаном Максимом Самсоновым. На эту должность офицер назначен сравнительно недавно, но уже успел показать себя как толковый и грамотный специалист.

Также хотел бы отметить хорошую работу отделов капитального строительства Северо-Кавказского, Северо-Западного региональных командований и ОДОНа, которые возлагают соответственно полковник Виктор Глушенко, подполковник Анатолий Иньков и майор Вадим Сафьянов.

– Если раньше причиной всех бед было отсутствие денег, то теперь на первое место выходит вопрос выделения войскам земельных участков под строительство. Как решается эта проблема?

– Без преувеличения скажу, что это головная боль офицеров всего

Высотка в Екатеринбурге

лищные сертификаты” изъявили желание 711 военнослужащих внутренних войск и граждан, уволенных с военной службы, в 2007 году – 992 человека, а в нынешнем году в заявку на выдачу сертификатов включено 1600 человек. Как видим, количество граждан, принявших решение приобрести жильё путем реализации сертификата, увеличивается. Другое дело, что в соответствии с выделенными средствами количество получателей сертификатов в войсках уменьшилось с 1127 участников в 2003 году до 334 – в 2007 году.

Как и прежде, расчёт субсидии, получение которой гарантируется сертификатом, производится по нормативу стоимости 1 кв. метра общей площади жилого помещения, единому для всех регионов России. К примеру, на первое полугодие 2008 года норматив определен в 23 400 рублей, что выше размера средней рыночной стоимости одного квадратного метра жилья в более чем 63

ТЫЛ К РАБОТЕ НЕ ОСТЫЛ

Ох уж это жаркое московское лето! По ночам город умывается грозными дождями. Ближе к полудню спасения от духоты нет даже в тени. В помещении надежда только на кондиционер. В сезон отпусков народ стремится уехать к морю. Тяжело приходится тем, кто работает. А если человек не просто трудится, а горячая пора для него начинается прямо с раннего утра, можно сказать — с рассвета? Есть и такие люди.

Подчас их работа незаметна. Но если вдуматься, в повседневности мы не придаём значения многим важным вещам. Не вспоминаем о еде, когда сыты, и о жилье, когда оно есть. Не думаем о воздухе, которым дышим. Так же в любом войсковом подразделении. К примеру, если у сослуживцев нет претензий к тыловикам, это означает только одно: работают они профессионально и возглавляет их человек не просто опытный, обладающий хваткой, но и радеющий за дело душой. С одним из таких офицеров довелось недавно познакомиться в Отдельной дивизии оперативного назначения.

Заместитель командира полка по тылу подполковник Павел Аверьянов окончил Новосибирское высшее военное командное училище. Четыре года служил на Северном Кавказе, приобрёл опыт, который не почерпнёшь из учебников. Не секрет: в боевой обстановке очень важно, как организован быт солдата. Все знают, что при развёртывании подразделения на месте временной дислокации прежде всего ставят палатки, кухню, обеспечивают людей печками, кроватями и постельным бельём. У подполковника Аверьянова была суровая практика, и он знает, как это сделать качественно и быстро. Сейчас ценный опыт тылового обеспечения в горячей точке применяется им на полях выходов. Тем более что теперь богатая практика сочетается с основательной теоретической базой: за плечами у офицера Военная академия тыла и транспорта.

Наша встреча состоялась вдесятом часу, но Павел Геннадьевич на службе с шести утра: провожал на продовольственную базу дивизионную тыловую колонну.

— Продукты для солдат должны заводить в полном объёме и своевременно. Нужен контроль, чтобы избежать срывов, — по-деловому говорит он. — Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому предлагаю совершить экскурсию. Начнём со столовой. Помните, ещё Суворов говорил: «Путь к сердцу солдата лежит...» Да, впрочем, вы сами знаете.

...Мы входим в столовую. Женским взглядом сразу подмечаю, как здесь всё чисто и аккуратно! На зависть любой хозяйке. А работа кипит, как наваристый, густой борщ на плите. В хлебном цеху режут батоны, в рыбном разделяют минтай. Проходим в зал приёма пищи. Это самая большая гордость подполковника Аверьянова. В 2006 году здесь прошёл капитальный ремонт. Теперь солдаты не стоят в очереди с подносами, создавая толкучку, а сразу садятся за сервированные столы. Места хватает всем, столовая рассчитана более чем на

тысячу человек. Порядок здесь ещё и потому, что Павел Геннадьевич лично проверяет сервировку столов, полновесность порций, контролирует, как справляется с обязанностями наряд по столовой.

Дальше наш путь лежит в овощехранилище. Это не менее важный объект в хозяйстве подполковника Аверьянова.

— Прапорщик Николай Бугаёв, который здесь руководит всем процессом, очень ответственный человек, — рассказывает офицер. — Когда шла осенняя заготовка, овощи подвозили до глубокой ночи. Соответственно и он порой засиживался до полуночи, не кивал на часы, мол, рабочее время закончено, а там хоть трава не расти. Понимал, что нельзя продукту заливаться в мешках. Пока машины не разгрузят, продукт не взвесят, не растарят, Николай на рабочем месте. Должит мне, что всё в порядке — и только тогда домой...

В овощехранилище солдаты разводят известь, белят стены. В конце августа начнётся очередной завоз продуктов. Наступит та горячая пора, когда один день сможет весь год прокормить. Нужно успеть сделать всё, чтобы сохранить овощи на долгие месяцы. Сейчас в квасильно-засолочном пункте пусто. Дошники для капусты наполнены водой. Пустуют и закрома для картофеля, стоят на улице, ждут ремонта.

— Как у нас дела продвигаются? — обращается офицер к Бугаёву. — Есть проблемы?

— Помещение для побелки подготвили. Кровлю частично заменили. Сварочные работы пора начинать. Известь нужна для побелки.

— Сварка будет после обеда. Известь в пятницу завезут, — отвечает Аверьянов.

Мы побывали всего лишь на двух объектах Павла Геннадьевича, но я уже начинаю понимать, что в этой воинской части тыловой механизм работает без сбоев, как часы. Потому что запускает его и контролирует процесс работы мастер своего дела. Про таких говорят: человек на своём

месте. Лишний раз убеждаюсь в этом уже на вещевом складе.

Подполковник Аверьянов проверяет ведомости, по ходу дела решает другие вопросы.

— Владимир Викторович, бельё в прачечную увезли? — спрашивает он начальника склада прапорщика Глухова.

— Так точно. В четверг получим.

— А как ремонт продвигается?

— Как и планировали, разобрали первый стеллаж. Зачищаем его, готовим к покраске. Фасадную стену оштукатурили. Теперь можно красить.

Владимир Глухов в тыловой службе с 1993 года, работу свою изучил досконально. На стеллажах и полках его вотчины огромное количество вещевого имущества. Здесь всему своё место — от пуговицы и звёздочки до шинелей и сапог. Он материально ответственное лицо, поэтому назубок знает, где, что и в каком количестве хранится и когда будет выдаваться личному составу. Ответственность и объём задач у Владимира огромные. Но и при такой загруженности успевает учиться заочно, он — слушатель уже третьего курса Военного университета!

...Солнце в самом зените. Палит так, словно возвращает тепло за все ненастные дни дождливого июня. Мы едем в подсобное хозяйство. Подумала: при таком режиме рабочего дня подполковника редко можно застать в кабинете. Ежедневно он накручивает километры по территории. Видно, что офицер не просто контролирует

все тыловые вопросы, как говорится, для галочки, а обращает внимание, казалось бы, на пустяки, вникает в каждую деталь. Наверное, так же скрупулёзно возводит многоэтажное здание. Если строители некачественно заложили фундамент, какие бы прочные ни были стены, дом рухнет. Криво посаженные окна испортят всё впечатление от внешнего вида жилья, к тому же зимой из щелей будет поддувать, и хозяева замёрзнут. Тогда они уже не будут восхищаться дизайном интерьера. Вот и в адрес службы тыла нареканий не будет тогда, когда рабочий процесс сбалансирован. Судя по всему, у Аверьянова так и есть.

В подсобном хозяйстве солдаты как трудолюбивые муравьи – в постоянном движении. Белят потолки, стены, сколачивают новые настилы, подметают, кормят поросят. Мы заходим в маточник.

– Как у вас дела, Сергей Игоревич? – спрашивает Аверьянов у помощника начальника продовольственной службы прапорщика Тимофеева.

– Да вот, проблема возникла, – отвечает тот.

Видим, как солдаты пытаются прикрепить к потолку балку. Двое на козлах поддерживают её, ещё двое работают молотками.

– Сейчас разберёмся. – Офицер внимательно смотрит на потолок. – Ты разве не видишь, что балка сюда не подходит по размеру. В правом верхнем углу её нужно подрезать, – говорит он Тимофееву. – Снимайте, ещё раз замерьте и подпилите. Доложишь потом.

Вместе с подполковником Аверьяновым обходим подсобное хозяйство. И здесь он наблюдает, как продвигается ремонт. Осень не за горами, к холодам все помещения должны быть утеплены.

– Дыру в полу не забудьте зацементировать, – отдаёт он распоряжение. Обращает внимание и на клетку, которую нужно подварить, и на необходимость побелки кормокухни. Ничего не ускользает от его цепкого взгляда.

– Вообще, мои подчинённые очень ответственные люди, – уже по дороге в штаб говорит подполковник. – Начальник продовольствен-

ной службы капитан Юрий Бычихин – добросовестный офицер. Сейчас он на выезде, получает продукты. Можно лишь удивляться его работоспособности. За день успевает обойти все свои объекты, отработать массу текущих служебных документов и ещё выехать на базу. Это помимо того, что с утра заступает на дежурство в оперативную группу и контролирует соблюдение распорядка дня. Мне очень легко с ним работать.

Под стать ему и другие специалисты. Например, начальник квартирно-эксплуатационной службы майор Юрий Сладков служит в части четверть века, начинал здесь ещё сол-

датом. Больше двадцати лет работает в службе КЭС. За эти годы, можно сказать, казарму своими руками прощупал, знает всё до последнего гвоздя. Квалифицированно решает вопросы по эксплуатации зданий, системе отопления, водоснабжения, канализации, очистных сооружений и экологической безопасности. Сбоев в его работе не было...

Не успеваем мы переступить порог кабинета, как начинает звонить мобильный телефон. С докладом пробивается начальник склада квартирно-эксплуатационной службы прапорщик Андрей Майоров.

– Машину поставьте на складе, – выслушав, тут же отдаёт команду Аверьянов. – Разгрузку организуйте после обеда. Когда закончите, доложите.

Он отключает мобильный.

– С утра ездил на склад, – объясняет мне. – Получали кровати. Каждый день появляются новые задачи, и решать их нужно оперативно.

В кабинет входит бухгалтер квартирно-эксплуатационной службы рядовой Наталья Саломатина, даёт на подпись доверенность на получение мебели.

– Наталья у нас молодец, выполняет огромный объём работы, – подписав документ, благодарно смотрит на неё офицер. – Ведёт бухгалтерский учёт, а это дело скрупулёзное, требует постоянной сосредоточенности и внимательности. Если пропущена хоть одна цифра в ведомости, жди неприятностей. Саломатина занимается квартирным учётом военнослужащих, выдаёт справки, доверенности, накладные. Она должна правильно и чётко оформить все документы. Работает недавно, но очень добросовестный человек. Её муж Михаил служит прапорщиком в разведроту, так что ей не нужно объяснять, что такое дисциплина...

Дверь снова открывается. На пороге – старшина роты. Сегодня он заступает дежурным по столовой. Подполковник Аверьянов проводит с ним инструктаж. А я думаю: как же грамотно спланирован рабочий день офицера! Он успевает побывать на всех объектах, уточнить текущие задачи с подчинёнными, проконтролировать весь процесс и вникнуть во вновь возникающие обстоятельства. И так – изо дня в день, подчас жертвуя выходными. Наверное, это по силам только человеку, который прежде всего организован внутренне, очень энергичен и, конечно же, любит своё

дело. Не секрет, что качественно мы выполняем ту работу, за которую болит душа.

Понимаю, что поговорить с Павлом Геннадьевичем в кабинете будет сложно. Дверь не закрывается: постоянно идут люди, и каждому нужно решить какой-то вопрос. У стороннего наблюдателя, не посвящённого в специфику тыловой службы, кажется, голова пойдёт кругом от нескончаемой очереди возникающих как снежный ком проблем. Действительно, забот у начальника полкового тыла невпроворот. Более того, он организует работу по принципу «готовь сани летом», то есть на перспективу. Поэтому его служба и работает так продуктивно.

Сейчас идёт подготовка к отопительному сезону. В подразделениях промывают систему отопления, проверяют её работоспособность, утепляют теплоотрассы. В казармах делают косметический ремонт. Всё необходимо контролировать. Но хлопоты подполковника Аверьянова этим не ограничиваются. Каждый день поступают новые вводные. Грядут сборы командиров воинских частей. Необходимо подготовить помещения, чтобы принять гостей.

Взгляд изнутри на работу службы тыла лишний раз подтвердил, что работа о людях – дело непростое, в котором мелочей не бывает. Солдат должен быть одет, обустроен, накормлен и,

конечно же, зимой после выполнения служебно-боевых задач возвращаться в тёплую казарму. Недаром говорят: тыл стоит на службе боеготовности. Поэтому командование соединяет огромное внимание уделяет деятельности тыловых служб. И спрос с тыловиков строгий.

Мнение командира дивизии о подчинённом дорожном стоит. Пожалуй, это самая объективная оценка деловых качеств офицера.

– Подполковник Аверьянов – надёжный, старательный и ответственный офицер, – говорит командир ОДОНа полковник Павел Бобков. – Он искренне боится за дело. В должности работает третий год. Быстро освоился, разобрался с проблемными вопросами и организовал свою работу и работу подчинённых так, что его участок сегодня по праву считается одним из лучших в соединении. Справился с задачами, которые не каждому по силам решить. С таким заместителем по тылу любой командир чувствует себя уверенно. А когда тыл надёжно работает, то и боевые задачи решаются с высоким качеством. Не зря же ещё Пётр I в одном из первых воинских уставов три столетия назад отметил: «Без тыла нет победы!».

★
Капитан
Елена ЖАРНИКОВА
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

НАВСТРЕЧУ 200-ЛЕТИЮ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

ВОЙСКА ВНОВЬ ПОД ЕДИНЫМ ГЛАВКОМ

Во второй половине 20-х годов минувшего века продолжался поиск наиболее оптимальных форм управления внутренними войсками. Существовавшие на тот момент в ОГПУ Главную инспекцию – для руководства частями внутреннего предназначения и Отдел погранохраны, ведавший всей службой охраны госграниц, возглавлял один человек. Это был польский революционер, соратник Ф.Э. Дзержинского и кадровый чекист Я.К. Ольский.

Однако подобная форма войскового управления, а также большая служебная нагрузка на должностное лицо не способствовали надлежащему качеству выполнения задач. Тогда в ноябре 1926 года в целях дальнейшего совершенствования руководства войсками была создана единая командная структура – Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ (ГУПО и ВОПУ).

В соответствии с нововведением был изменён порядок подчинённости внутренних войск в низовых управленческих звеньях. В приграничных регионах эти части входили в состав управлений погранохраны и войск ОГПУ, которые, в свою очередь, были структурными подразделениями полномочных представительств ОГПУ в союзных республиках и краях. В остальных регионах руководящими органами для войск являлись инспекции, также входившие в состав полномочных представительств ОГПУ краёв и областей.

К концу 20-х годов на внутренние войска была возложена дополнительная задача по охране предприятий промышленности оборонного значения. Это было вызвано тем, что на некоторых объектах индустрии произошли серьёзные диверсии и крупные поджоги. В связи с этим газета "Правда" 9 июня 1927 года опубликовала тревожное сообщение, в котором говорилось: "Правительство вменяет в обязанность Объединённому государ-

ственному политическому управлению принять решительные меры к охране страны... Правительство заявляет, что, опираясь на широкие трудящиеся массы и на их беззаветный героизм, оно очистит страну от её врагов и сумеет оградить строительство социализма от всяких покушений".

Постановлением Совета труда и обороны от 19 ноября 1927 года ряд важнейших предприятий, перечень которых утверждался правительством, передавался под войсковую охрану. С этой целью формировались новые части и подразделения, увеличивалась общая численность личного состава войск, совершенствовалась управленческая структура, налаживалось взаимодействие с руководством заводов.

В конце 1931 года на внутренние войска была возложена ещё одна важная государственная задача – обеспечение бесперебойного функционирования железнодорожных магистралей. В связи с возросшими масштабами экономического развития страны первоочередную роль стали играть железнодорожные перевозки.

Однако имевшиеся факты явных диверсий и умышленной дезорганизации транспортного сообщения вызвали настоятельную необходимость усиления охраны стальных магистралей. 4 декабря 1931 года Совнарком СССР возложил охрану важнейших железных дорог на войска ОГПУ. С этой целью было сформировано несколько бригад и полков, а в составе ГУПО и ВОПУ создано специальное подразделение для руководства службой охраны государственных объектов.

Войсковым главком в это время последовательно руководили также не военные, а кадровые чекисты с большим стажем оперативной работы – З.Б. Кацнельсон, И.А. Воронцов, Н.М. Быстрых.

НАМ ДОРОГА НАША ИСТОРИЯ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
АВГУСТ

В этом месяце:

В августе 2003 года свыше 10 бандитов из группы арабского террориста Абу-аль-Валида были уничтожены военнослужащими внутренних войск и сотрудниками чеченской милиции в ходе 7-часовой боя в селении Автуры Шалинского района Чеченской республики.

2 августа

• День Воздушно-десантных войск.

5 августа

• 1918 г. – Родился Иван Кириллович Яковлев, генерал армии, возглавлявший внутренние войска МВД СССР с 1968 по 1986 год. Участник советско-финляндской войны, в Великую Отечественную войну прошёл путь от командира взвода до командира отдельного артиллерийского дивизиона, был четырежды ранен. Внёс неоценимый вклад в развитие внутренних войск и укрепление их авторитета. Скончался 13 сентября 2002 года.

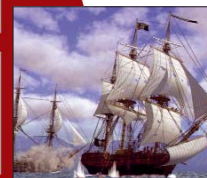
9 августа

• 1983 г. – Приказом председателя Комитета государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик В. Чебрикова образованы особые отделы по объединениям, соединениям и воинским частям внутренних войск в целях их контрразведывательного обеспечения. Они подчинялись вновь образованному Управлению особых отделов КГБ СССР по внутренним войскам. На это же управление возлагались организация и проведение контрразведывательной работы в Главном управлении ВВ МВД СССР и непосредственно подчинённых ему частях и учреждениях, дислоцировавшихся в Москве. Для общего руководства контрразведывательной деятельностью в войсках правопорядка в составе 3-го Главного управления КГБ СССР была создана специальная оперативная служба.

Так началась история Управления Федеральной службы безопасности РФ по внутренним войскам МВД России.

9 августа

• День воинской славы России. Впервые в отечественной истории флот под командованием Петра I одержал победу над шведами у мыса Гангут (1714 год).

22 августа

• День Государственного флага России, утверждённого в качестве одного из главных геральдических символов нашего государства 25 декабря 2000 года.

23 августа

• День воинской славы России: 65-летие Курской битвы (1943 г.). В сражении с гитлеровцами на Огненной дуге приняла участие 70-я армия, бывшая Отдельная армия войск НКВД.

Август-сентябрь

• 1968 г. – Сводный отряд подразделений львовского и минского мотострелковых полков внутренних войск МВД СССР совместно с частями Советской армии участвовал в подавлении антикоммунистических выступлений в Чехословацкой Социалистической Республике (ЧССР).

КАЛЕНДАРЬ

АВГУСТ 2008

Летом 1943 года в самом центре России развернулось одно из величайших сражений Второй мировой войны – битва на Курской дуге. После сокрушительного поражения под Сталинградом гитлеровское командование попыталось перехватить стратегическую инициативу, осуществить наступление в центре советско-германского фронта, повернуть ход войны. С этой целью им была создана мощная группировка войск, насчитывавшая 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, почти миллион солдат и офицеров, большое количество боевой техники, включая новейшие танки “тигр” и “пантера”, штурмовые орудия “фердинанд”.

В Курской битве в составе Красной Армии участвовали части и соединения, сформированные из личного состава внутренних войск. Еще в октябре 1942 года Государственный комитет обороны поручил Наркомату внутренних дел сформировать Отдельную армию войск НКВД. Командующим армией был назначен генерал-майор Г.Ф.Тарасов, начальником штаба – генерал-майор В.М.Шарапов, политотдел возглавил полковник Я.Е.Масловский. Все они ранее служили в войсках НКВД, хорошо знали уровень боевой выучки бойцов, организаторские способности командного состава. Задача, поставленная ГКО, была выполнена в короткий срок и с надлежащим качеством.

К концу января 1943 года были сформированы пять дивизий: Уральская, Сибирская, Среднеазиатская, Забайкальская, Дальневосточная и некоторые отдельные части. Первые два соединения были сформированы из личного состава внутренних войск, основу трёх других составили бойцы и командиры пограничных войск. В состав армии также вошла 10-я орден Ленина стрелковая дивизия внутренних войск, отличившаяся в Сталинградской битве и прошедшая переформирование в Челябинске. Она именовалась Сталинградской.

Личный состав этих соединений и частей был хорошо подготовлен в военном отношении, имел высокие морально-боевые качества. В каждой части было немало бойцов и командиров, ранее участвовавших в боях с захватчиками, имевших богатый фронтальный опыт и отмененные государственными наградами.

В начале февраля 1943 года армия по приказу Ставки ВГК была направлена в район Ельца в распоряжение командующего войсками Централь-

**“ВОТ КТО БЬЁТ
ФРИЦЕВ ОПТОМ!”**

ного фронта. 13 февраля она передана из НКВД в Наркомат обороны и стала именоваться 70-й армией. Дивизии переименовывались в стрелковые и назывались: 102-я, 106-я, 140-я Сибирская, 162-я, 175-я Уральская, 181-я ордена Ленина Сталинградская.

После непродолжительных наступательных действий в первой половине марта 70-я армия, как и другие объединения, по приказу командующего фронтом генерала армии К.К.Рокоссовского перешла к обороне на северном выступе Курской дуги. Три месяца

готовились войска встретить врага. Напряжённая работа по совершенствованию обороны, способной выдержать массированные удары фашистских танковых группировок, не ослабевала ни днём ни ночью. К началу боёв все части зарылись глубоко в землю, была надёжно укрыта и боевая техника. Перед передним краем и в глубине обороны были установлены десятки тысяч противотанковых и противопехотных мин. Всё это способствовало в дальнейшем укреплению стойкости войск, снижению потерь.

Одновременно подразделения и части усиленно занимались боевой учёбой, готовились к трудной борьбе с врагом, особенно с его танками. Изучались уязвимые места фашистских “тигров” и “фердинандов”, производилась обкатка бойцов танками, бывшие фронтовики обучали товарищей способам применения противотанковых гранат и бутылок с зажигательной смесью для уничтожения вражеской бронетехники. Всё это весьма пригодились нашим воинам в последующих жестоких и кровопролитных боях.

На рассвете 7 июля воины 140-й Сибирской стрелковой дивизии приняли на себя удар превосходящих сил врага. На их позиции наступали 4 пехотные и 1 танковая дивизии, егерский батальон. Фашисты рвались к Курску.

Несколько суток ожесточённый бой гремел, не затихая ни на минуту ни днём ни ночью. Вражеская авиация обрушивала на позиции дивизии тысячи тонн металла. Земля была изрыта воронками от бомб и снарядов, каждая её пядь была усыяна осколками. В период с 7 по 16 июля бойцы дивизии отбили более 90 атак врага, в каждой из которых участвовало от 100 до 300 танков и до двух полков пехоты. Воины-сибиряки подбили около 200 фашистских танков, в том числе 40 “тигров”, сбили 8 самолётов, уничтожили свыше 9 000 солдат и офицеров, 300 автомашин, 40 орудий, 80 миномётов и много другой военной техники.

Мужественно и самоотверженно сражались бойцы и командиры. Подвиг совершили артиллеристы батареи, которой командовал старший лейтенант И.Кузюков. Участвуя в отражении массированных танковых атак врага, они сожгли и подбили 30 танков. Раненые бойцы не оставляли своих позиций, продолжая драться, пока были силы. Особенно отличился мужеством и боевым мастерством орудийный расчёт старшего сержанта Василия Поды.

Шёл четвертый час непрерывного боя. Расчётом уже было подбито 4 фашистских танка. По позиции артиллеристов нанесён бомбовый удар. Загорелись ящики со снарядами, осколками ранен старший сержант Поды. Но он не покинул орудия, сбивал пламя и выносил ящики с боеприпасами. А потом снова вёл огонь по врагу. Был подбит и пятый немецкий танк.

Гитлеровцы пытались обойти артиллерийские позиции с тыла, но расчёт Поды быстро развернул орудие и с близкого расстояния поджёг еще 2

танка. За двое суток боев – 7 и 8 июля орудийный расчёт старшего сержанта Поды подбил 13 танков и уничтожил до 50 гитлеровцев.

Героически действовали артиллеристы и других частей. К примеру, наводчик орудия из 181-й ордена Ленина Сталинградской дивизии Николай Ольчев, отражая в составе батареи танковую атаку врага, прямой наводкой двумя выстрелами подбил “тигра”.

С вражескими танками успешно боролись не только артиллеристы, но и пехота. Вот один из ярких боевых эпизодов. Тяжёлая громада “тигра” навалилась на окоп ефрейтора Патонова. Но мужественный боец не дрогнул, не потерял самообладания. Как только танк прошёл над окопом, он выбрался из-под засыпанной его земли, быстро выскочил из окопа-щели, догнал танк и бросил гранату. Она попала в моторное отделение, и в тот же момент танк загорелся.

Завидным самообладанием и мужеством отличались бойцы-бронетбойцы. Они подпускали фашистские танки на близкое расстояние и стреляли по гусеницам и смотровым щелям, лишая тем самым танки возможности двигаться. А с неподвижными машинами расправлялись наши артиллеристы. Так, в одном бою бро-

полка 140-й Сибирской стрелковой дивизии. Один танк с десантом автоматчиков прорвался к штабу полка. Офицеры штаба во главе с командиром полка полковником А.С.Григорьевым и начальником штаба капитаном Б.И.Чугуновым заняли круговую оборону, гранатами подорвали танк и уничтожили автоматчиков.

В это же время группа бойцов под руководством комсорга полка старшего лейтенанта Сытника спасла святыню полка – Боевое знамя. В дом, где оно хранилось, попали два снаряда. Часовой был убит. К дому бросились несколько солдат, но проникнуть в него удалось только рядовому Ермоленко. В дом попал ещё один снаряд, обвалилась крыша. Казалось, всё пропало, боец погиб. Но Ермоленко сумел пробиться сквозь пламя, неся в руках знамя, на котором уже тлела бахрома.

В те дни было немало примеров самопожертвования. Парторг 3-й роты 96-го полка сержант Петр Ерыпалов в жестокой рукопашной схватке ворвался в гущу гитлеровцев, яростно действовал штыком и прикладом. Более десятка врагов сразил сержант, но и сам был ранен. Фашисты окружили смельчака, попытались захватить в плен. Им даже удалось повалить Ерыпалова на землю. Но бесстрашный бо-

Офицеры 175-й Уральской стрелковой дивизии

небойщик Н. Горгонов из противотанкового ружья перебил гусеницы у двух танков.

Невзирая на большие потери в технике и живой силе, фашистские войска упорно прогрызали оборону 70-й армии. Были случаи, когда они заходили в тыл частям, обороняющимся в первом эшелоне, атаковали их командные пункты. В ходе одного из жарких боёв одиночные танки врага проникли в глубину обороны 96-го

её последним усилием сорвал чеку оставшейся у него гранаты, которой взорвал себя и навалившихся на него фашистов.

Не раз отличались бойцы дивизионной разведоты, которой командовал воспитанник дивизии им. Ф.Дзержинского капитан В.Атаманов, а затем старший лейтенант Д.Юденко. В ходе наступления дивизии разведчикам была поставлена задача захватить языка, чтобы выяснить расположение

Памятник воинам 140-й Сибирской стрелковой дивизии

противника перед фронтом дивизии. Командир роты принял дерзкое решение – брать языка в светлое время суток утром, когда после завтрака немцы по обыкновению отдыхают в блиндажах, оставляя у пулемёта всего по одному дежурному. Группу захвата возглавлял Юденко.

Около 9 часов гитлеровцы позавтракали и расположились на отдых в блиндаже. Ефрейтор ВЛысиков, бывший дзержинец, отличавшийся физической силой, скрытно подполз к дежурившему у пулемёта часовому и бесшумно снял его. Группа разведчиков ворвалась в блиндаж, уничтожила 16 гитлеровцев, захватив в плен унтер-офицера, и без потерь возвратилась в подразделение.

Вскоре состоялось награждение разведчиков. Орден Красной Звезды был вручен ВЛысикову, медали “За отвагу” – П.Щербакову, Г.Отрожко и С.Винякову, “За боевые заслуги” – И.Путилову.

О подвигах бойцов и командиров 140-й Сибирской дивизии узнали не только на фронте, но и в Москве. Известный писатель и публицист Илья Эренбург вскоре после Курской битвы прислал письмо воинам соединения. Он писал: “С восхище-

нием читал о мужестве ваших товарищей. Я желаю товарищу Поде скорее увидеть прекрасную Украину, освободившуюся от немцев... Товарищ Ерыпалов показал захватчикам, что значит русское мужество. Я крепко жму руку всем, кто очищает землю от проклятых гитлеровцев. Немцы недаром с ужасом говорят о наших артиллеристах. Я завидую товарищам Поде, Кузюкову, Чмуту... Вот кто бьёт фрицев оптом! Желаю боевого успеха”.

Успешно истребляли захватчиков снайперы. В Курской битве участвовали команды снайперов из частей внутренних войск дислоцированных вдалеке от Огненной дуги: в Поволжье, на Урале, в Сибири.

На участке обороны одного из полков 41-й стрелковой дивизии 63-й армии самоотверженно действовала команда снайперов 90-го полка 26-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог, которыми руководил старший лейтенант Алексей Приходько.

Артиллерийско-миномётный налёт противника застал группу снайперов из 8 человек во главе со старшиной Корсубаевым в опорном пункте 6-й стрелковой роты. Когда немцы перешли в атаку, снайперы вместе с бойцами роты отважно сражались с превосходящими силами врага. Старший сержант И. Зубенко, будучи раненным, заменил вышедшего из строя наводчика станкового пулемёта и метким огнём уничтожил десятки гитлеровцев. Несмотря на полученные ранения, продолжали вести бой старшина Корсубаев и рядовой А. Казанский. Так же отважно дралась и другая группа снайперов под командованием старшего лейтенанта Приходько, располагавшаяся в опорном пункте 3-й роты.

В Курской битве участвовали не только соединения бывшей Отдельной армии НКВД, но и части, переданные ранее из внутренних войск НКВД в Красную Армию, в частности, 75-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор В.А. Горишний. В своё время это была 13-я мотострелковая дивизия внутренних войск. Летом 1942 года она вместе с 8-й мотострелковой дивизией была передана в состав Наркомата обороны и получила название “95-я стрелковая дивизия”, а за отличие в Сталинградской битве стала гвардейской.

Гвардейцы не уронили своего звания и в сражении на Курской дуге. В

жестоких кровопролитных боях дивизия стояла насмерть, несла большие потери, но прочно удерживала занимаемые рубежи. Известный писатель и журналист Константин Симонов, побывавший в том грозном июле у бойцов 75-й гвардейской, в своих заметках “Разные дни войны” приводит слова командира дивизии генерала В.А.Горишного об итогах первого дня боёв: “Я понёс потери до 2000 человек и потерял 48 танков. Люди, я вам просто скажу, умирали за пушками, но, в свою очередь, 50 немецких танков نابили”.

В числе этих подбитых вражеских машин были и танки, подождённые расчётом орудия, которым командовал гвардии младший сержант А.Петров. Когда группа тяжёлых вражеских танков начала развёртываться для атаки, он дал команду выкатить орудие вперёд и тут же открыл огонь. Два танка сразу задымили. Остальные, ведя огонь из пулемётов, двинулись на позиции артиллеристов. Сосредоточив огонь на двух головных машинах, расчёт подбил их, но остальные мчались прямо на пушку. Артиллеристы действовали чётко и слаженно: загорелся ещё один “тигр”, затем второй. “Стоять насмерть!” – призвал своих бойцов Петров. Но следующий танк протаранил орудие и смёл отважных воинов. Так сражались гвардейцы бывшей дивизии внутренних войск.

Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский, командовавший войсками Центрального фронта, спустя годы вспоминал: “На Курской дуге вместе с другими нашими армиями успешно вела боевые действия 70-я армия, сформированная из личного состава пограничных и внутренних войск. В полосе обороны этой армии с 5 по 12 июля 1943 года противник потерял до 20 000 солдат и офицеров, было подбито и сожжено 572 вражеских танка, из них 60 “тигров”, сбито 70 самолётов. Эти факты красноречиво говорят о мужестве и отваге пограничников и воинов внутренних войск”.

Бывшие дивизии внутренних войск, входившие в состав 70-й армии, после разгрома немецко-фашистских полчищ в Курской битве продолжили свой победный путь на запад.

Полковник в отставке
Вячеслав ЕЛАГИН,
научный сотрудник
Центрального музея
внутренних войск МВД России
Фото из фондов ЦМ ВВ МВД РФ

Архиепископ Ставропольский и Владикавказский ФЕОФАН:

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И АРМИИ ПРИБРЕТАЮТ ВСЁ БОЛЕЕ КОНСТРУКТИВНЫЕ ЧЕРТЫ

– Ваше высокопреосвященство, за последние годы заметно укрепились связи армии, внутренних войск и Русской Православной Церкви. Но нельзя довольствоваться достигнутым. Время требует новых подвижек в духовно-нравственном, патристическом воспитании воинов. Не случайно на прошедшем недавно Архиерейском Собрании в числе обсуждаемых тем был и вопрос взаимодействия Церкви с Вооружёнными силами и правоохранительными органами. Что, на ваш

взгляд, необходимо предпринять для того, чтобы совместными усилиями командования и священноначалия поднять моральный дух защитников Отечества?

– Прежде всего хочу особо подчеркнуть на прошедшем в Москве 24 – 29 июня Архиерейском Собрании, где наряду с актуальными вопросами внутренней и внешней жизни Русской Православной Церкви шёл разговор и о взаимоотношениях Церкви и государства, Церкви и общества, Церкви и армии, была дана позитивная оценка сотрудничеству епархий с

военными формированиями и правоохранительными органами. Красноречивый факт: в настоящее время духовным окормлением и просвещением людей в погоне занимаются более двух тысяч священнослужителей, причём эту работу они ведут безвозмездно, совмещая её с приходским и монастырским служением.

Согласованные усилия духовенства и военного руководства принесут добрые плоды. В своём докладе на Архиерейском Собрании Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отметил, что сегодня Церковь в лице силовых структур имеет верных соратников в деле возрождения православных традиций воинского служения Отечеству, и очень важно приумножить этот потенциал ради заботы о воинах, ради созидания мирного будущего нашего народа.

Говоря о дальнейшем развитии взаимоотношений Церкви и армии, следует сделать акцент на правовом аспекте этой задачи. С моей точки зрения, в самое ближайшее время необходимо принять закон о военном духовенстве. Это позволило бы нам активнее нести своё пастьерское служение в воинских коллективах, осуществляя взаимодействие с Вооружёнными силами, внутренними войсками на прочной легитимной основе.

Не терпит отлагательства и решение проблемы призыва молодых священнослужителей в армию. Так, на Архиерейском Собрании в ходе работы тематической группы “Церковь, государство и общество” архипастыри пришли к единому мнению: наибольшую пользу стране принесёт служение выпускников духовных семинарий в качестве полковых священников.

– Расскажите, как в Ставропольской и Владикавказской епархиях решаются вопросы взаимодействия священнослужителей с войсками на ниве духовного окормления и воспитания солдат правопорядка.

– У нас накоплен богатый опыт сотрудничества с военными. Да и может ли быть по-другому? Ставропольская и Владикавказская епархия – форпост православия на Северном Кавказе. Поэтому наше духовенство глубоко осознаёт свою причастность и к той нелёгкой миссии, которую выполняют в беспокойном регионе солдаты правопорядка, стоящие на страже тишины и спокойствия. Мы видим, как нуждаются воины в пастьерском слове. И стремимся всемерно укреп-

лять духовно-нравственную составляющую их служения.

Работа на этой ниве недавно получила новый импульс. В июне прошлого года я имел честь встретиться с главнокомандующим внутренними войсками МВД России генералом армии Николаем Евгеньевичем Рогожкиным. Темой нашей беседы стало дальнейшее развитие сотрудничества между Ставропольской епархией и Северо-Кавказским округом. Договорились тесно взаимодействовать, поддерживать все инициативы, полезные начинания на местах. Сказано – сделано. Проанализировав наши возмож-

пятствует духовенству нести свет веры. А проблемы таковы, что вপুরе вспомнить слова средневекового философа: то, что раньше было пороками, теперь стало нравами. Каким должен быть ответ Церкви на вызов времени, чтобы вера стала действенным фактором духовного возрождения?

– Вопрос очень непростой. Для того, чтобы возрастало духовное влияние на моральный климат в обществе, в армии, нужно установить базовые основы церковно-государственных и церковно-общественных отношений. Чем это продиктовано? С одной стороны, общество, сталкиваясь с острыми проблемами, говорит: “Где Православная Церковь? Она должна решительнее бороться за исправление повреждённых нравов”. А с другой стороны, когда Церковь во благо народа и его вооружённых защитников проявляет активность, раздаются протестующие голоса: “Стоп! Давайте не будем нарушать закон об отделении церкви от государства!”. То есть

лом приобретают всё более конструктивные и полезные для всех черты. Значит, мы на правильном пути.

– “В службе честь”, – утверждал создатель регулярной русской армии Пётр I. Сегодня эти слова особенно актуальны. Когда стараниями либеральных масс-медиа обесцениваются святые для нас понятия, не приходится удивляться тому, что ряд выпускников военных вузов уже не воспринимают человека как стержневое качество человека в погонах, не дорожат его. Бравуризм, цинизм, кое-кто из молодых офицеров открыто, не стесняясь, заявляет: “Прежде чем требовать от нас достойного исполнения профессионального долга, взывать к патриотизму, давить на совесть, обеспечьте наши права по полной программе. Будем получать, как менеджеры на гражданке, тогда и станем патриотами. Нам старики, которые горбатились за идею, не пример. Наше кредо – жить для себя”. Не отсюда ли и всплеск офицерской преступности, и наплевательское отношение к должностным обязанностям, и равнодушие к подчинённым... Слов нет, в здравом офицерском корпусе войск эта скверна пока кажется маленькой опухолью. Но всё равно диагноз тревожный. Что делать в этой ситуации?

– Безусловно, моральная незрелость определённой части молодых офицеров – проблема серьёзная. И здесь, наверное, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что есть и военные вузы, и воинские части, где командиры, их заместители по работе с личным составом не забывают о формировании у курсантов и лейтенантов возвышенного офицерского менталитета. Но давайте копнём глубже. Вряд ли нужно доказывать истину: уроки на тему “что такое хорошо и что такое плохо” должны усваиваться с младых ногтей, чтобы выработался крепкий нравственный иммунитет к дурному влиянию. Коли упускают подрастающее поколение семья и школа, потом исправление изъянов в молодёжной среде будет сопряжено с большими трудностями. Особенно при всеобщем упадке нравственности. Когда стараниями ряда СМИ предпринимаются настоящие попытки вытравить из общественного сознания традиционные духовные ценности, подменить их иноземными стандартами.

Если подросткам и молодежи постоянно внушать, что каждый должен печаль только о себе, любимом, что главный критерий успеха – тугой кошелек, дающий возможность жить припеваючи, что страна у нас “неприкаянная”, что эталон для подражания – красиво упакованная “заграница”, то во всех профессиональных сферах, включая военную и правоохранительную, будем получать пополнение с растущей прослойкой эгоистичных потребителей, для которых “честь имею” – пустой звук. Вы им о высоких понятиях, а вам в ответ – о цене вопроса. Воспитывать молодые кадры с такими убеждениями ох как непросто. Даже при наличии в войсках хорошо работающей системы морально-психологического обеспечения.

А воспитывать надо. И воспитывать именно на высоких духовных, нравственных понятиях и ценностях. Причем работу в данном направлении необходимо вести тем активнее, настойчивее, чем сильнее дадут о себе знать проблемы расчеловечивания личности. Сегодня просто нельзя иначе.

Тем же, кто говорит о правах в отрыве от обязанностей, как архиепископ и воин запаса ответил бы так. Офицер призван высоко нести честь своего звания независимо от размеров денежного довольствия, социальных гарантий и льгот. Споры нет, государство в лице чиновников перед военными в долгу. Однако Родина в этом не виновата. И дело чести офицера – защищать её при любых обстоятельствах. Каков бы ни был у него достаток, он обязан являть собой образец высоконравственного поведения. Достойный офицер никогда не поднимет руку на подчинённого, не опустится до вымогательства взятки за предоставление солдатам увольнения в выходной день. Не допустит, чтобы его бойцы были слабо обучены, плохо накормлены, ущемлены в снабжении необходимыми имуществами.

Дорожить честью, исполнять долг защитника по совести обязывают человека в погонах не только воинские традиции, но и устав. К сему вывод следует больше внимания уделять воспитанию ответственности. Перед Богом, перед Отечеством, перед близкими.

О важности этой задачи, если рассматривать её в масштабах всего общества, свидетельствует принятый на Архиерейском Соборе фундаментальный документ “Об основах учения Русской Православной Церкви о дос-

тоинстве, свободах и правах человека”. В нём говорится, что идея ответственности неотъемлемо присутствует в самом понятии достоинства, которым обладает человеческая природа. Для сохранения в себе богоданного достоинства человек обязан жить согласно нормам морали, нравствен-

ниту не возникало подобных вопросов, как вернуть нам чувство национального достоинства, веру в высокое предназначение России? И какие пожелания в связи с этим вы хотели бы, владыко, адресовать русским воинам?

Во время встречи с главнокомандующим внутренними войсками МВД России генералом армии Н.Е. Рогожкиным

ному началу, опознаваемому в голосе совести. Он должен с любовью заботиться о близких и об Отечестве. И помнить, что православная традиция возводит патриотизм к словам Самого Христа Спасителя: “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя”.

– Говорят, в стране патриотический ренессанс. Рассуждения о “великой державе” – чуть ли не самая популярная тема. Смущает лишь повод, явно несоразмерный градусу общественных настроений. Когда-то национальное достоинство русских поддерживалось законной гордостью за великие военные победы и трудовые свершения. А сейчас народ широко расправляет плечи от футбольных и эстрадных успехов. Ура, “Евровидение” – наше! Буря восторгов такая, словно совершён новый космический прорыв эпохального значения. Оно понятно, на безрыбье и рак рыба. Ну а если труба позвёт! С гламурно-попсовым патриотизмом достанет ли морального духа потуже затянуть пояса для реализации спасительно-мобилизационного проекта или гасить амбразуры за други своя? Дабы в трудную ми-

– Всё начинается с корней. Познать свои корни, питающие тебя живительными соками. Если в тебе нет веры, если твоему сердцу ничего не говорят духовные подвиги преподобного Сергия Радонежского, патриарха Гермогена, подвиги державные, воинские Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова, Жукова, если ты ничего не знаешь и не хочешь знать о Победе нашего народа в Великой Отечественной войне, не гордишься ратной славой твоих войск – каким патриотом себя проявишь при выполнении трудных боевых задач, к которым должен быть готов как защитник Родины? Жизнь укоренившись в героических деяниях наших предков, исполнившись крепким моральным духом. Только с верой осознаешь достоинство и высокое предназначение своего народа. Никогда не забывай, что Православная вера и Отечество – это то, что оберегало и оберегает нас, и то, что надо оберегать, не щадя живота своего.

Беседовал полковник
Юрий КИСЛЫЙ
Фото Виктора БОЛТИКОВА,
Сергея ДЮЛЬДИНА
и Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Сергей КОНОВАЛОВ

ПРОЩАНИЕ С КАРАБАХОМ

Повесть

*Моим боевым товарищам,
военнослужащим
Северо-Кавказского
регионального командования
ВВ МВД России,
бывшим
и настоящим,
посвящается*

1.

До призыва в армию Касев жил в небольшом городке, и фронтовики ему как-то не запомнились. Да и к тому времени они уже потеряли свой пыл – состарились и оступились. Конечно, Касев видел фронтовиков в День Победы, когда те надевали ордена и медали. Встречался с ними в обыденной жизни, но ничего необыкновенного в них не находил.

Отца своего он не знал. Мать воспитывала его одна и старалась держать постоянно при себе, чтобы мальчик не попал под дурное влияние улицы. Поэтому ничему плохому улица его не научила, но и хорошего он не перенял: ни чувства товарищества, ни восхищения героями, живущими по соседству.

Мать Касева фронтовиков героями не считала. Всё её существование было направлено на добывание хлеба насущного да шмоток. Поэтому сказать, что Касев пошёл в армию с желанием, было бы неправильно. Его туда попросту забрали.

Полк, где служил Касев, готовился к вводу в Нагорный Карабах. Желание солдата ехать туда никого, естественно, не интересовало, поэтому особых внутренних переживаний он и не испытывал. Но предстоящая поездка сулила хоть какие-то изменения в череде однообразных дней, похожих друг на друга, как два кирзовых сапога.

Перед отъездом солдат и сержантов переделали в “песчанку”, или “афганку”, – обмундирование, которое носила 40-я армия в Афганистане. Офицеры и прапорщики получили зимний камуфляж, и теперь от рядовых бойцов их можно было отличить за километр.

После этого в роте стало неестественно тихо. Все внутренние подтянулись в ожидании скорых перемен.

До отъезда оставались считанные дни, когда комбата вызвали на КПП к приехавшему отцу рядового Валеева. Касев стал свидетелем того разговора. Даже не поздоровавшись, взвинченный родитель перешёл к делу:

– Мой сын ни в какой Карабах не поедет! Я не затем его воспитывал в течение восемнадцати лет,

чтобы теперь потерять! – В голосе мужчины зазвучали истерические нотки: – Я настаиваю, вы слышите?! Настаиваю, чтобы мой сын был вычеркнут из всех ваших дурацких списков!

Выкрикивая, он так горячо жестикулировал, что комбат инстинктивно отступил на шаг, дожидаясь момента, когда ему удастся вымолвить хотя бы слово. Однако терять инициативу родитель не собирался. Он был на несколько лет старше комбата, с лицом неприметным, и относился скорее всего к тому типу людей, которые привыкли доказывать свою правоту ором, истерикой, при малейшей возможности прибегать к жалобам, в которых несут ахинею, но зная мнение другой стороны всё равно не желают.

– Я вас всех тут на чистую воду выведу! – орал Валеев-старший. – Если надо, до Москвы дойду, но своего добыю! Вы меня поняли или нет?!

– Видите ли, у меня тоже двое маленьких детей, жена не работает, – наконец подал голос комбат, – родители живут за тысячу километров отсюда, отец болен... Но я одну полугодовую командировку уже отбарабанил, теперь еду повторно. Меня тоже могут убить, я такой же человек и боюсь умереть. Почему же я должен рисковать своей жизнью, а ваш сын нет? Он такой же гражданин. Да и вообще, кому же тогда защищать интересы страны, если не нам, военным?

– Вы офицер, вам за это деньги платят! – тут же последовал ответ. – Вас обучали этому в военном училище и ради этого содержат! А ваши трудности семейные меня не интересуют!

“Редкая сволочуга, – подумал комбат. – Его бы, гада, в строй поставить, чтобы понял службу: ты отвечаешь за всех, а все – за тебя. Не рискнешь сегодня сам, завтра не дождёшься помощи от других”.

Однако, пересиливая волну внезапно подкатившей ярости, которая буквально перехватила горло, майор почти спокойно, но с металлом в голосе сказал:

– Если ваш сын дезертирует, будет отвечать по закону.

Иных доводов не находил.

– Мой сын будет служить в другой части, ближе к дому. Я законы знаю, и ничего вы нам не сделаете!

Разговор был окончен. Выйдя из КПП, комбат вызвал взводного старшего лейтенанта Булидова и объяснял ситуацию:

– Николай Васильевич, сейчас на КПП я разговаривал с отцом Валеева. Он пообещал сына забрать с собой домой. Надо не допустить этого. Понятно?

– А чего ж тут не понять? Валеева я сейчас на плац выведу, будет там у меня до утра устав учить. А отца вы уж сами гоните взащей. Или, если хотите, я это сделаю, но только больной.

Булидов нахисто был лишен элементарного человеческого такта. Его любимым занятием было покататься в спортзале, и на жизнь он смотрел глазами спецназовца – значительно проще, нежели комбат. Но к выполнению служебных обязанностей взводный относился добросовестно, и за это комбат ему многое прощал, стараясь потихоньку выбивать из его головы спецназовскую прямолинейность.

– Товарищ старший лейтенант, вы думаете, о чём говорите?

— А зачем думать? И так ясно: отец — сволочь, Валеев с ним не поедет. Не волнуйтесь — я его обработаю, он солдат неплотой... Тут за другими надо смотреть в оба. Вон Приступа что-то стал под дурака косячить. Касев ходит, как мешком пристукнутый... А ведь со дня на день грузиться начнёт. Может, в госпиталь их как-нибудь пристроить, а то в районе потом хлопот не оберёмся...

— Булидов, не растекайтесь мыслью по древу. Ваша задача на сегодня — не допустить, чтобы Валеева забрал отец. Ясно?

— Так точно! — ответил старлей и передёрнул плечами.

2.

Отправка полка была назначена на девятое сентября. Командиры рот собирали имущество.

Командир седьмой капитан Вогомоллов, самый старший из всех, больше всего надеялся на старшину Лисовского, который целыми днями что-то получал, сдавал, рассчитывал, раскладывал. И хоть Вогомоллов чётко докладывал наверх, что всё идёт по плану, дела обстояли не совсем так. Сам ротный путал учёты, недодавал положенного, а иногда откровенно подворовывал. Человеком он был скользким, от службы частенько косил, ссылаясь то на свои болезни, то на болезни детей, отъезд жены, но никогда — на банальное пьянство. С его именем постоянно были связаны какие-то расследования, на которые он особого внимания не обращал, полагая, что командир полка не такой дурак, чтобы против своего ротного возбуждать уголовное дело, а потом самому отвечать перед комдивом за провалы в воспитательной работе с подчинёнными офицерами.

Командир восьмой роты капитан Рылов был офицером рыбка. Его кипучая энергия часто сменялась затяжной депрессией, уходом, как говорил комбат, в тину. Он мог работать так, что подчинённые, проникаясь поставленной задачей, действовали, будто отлаженный механизм. Командиры взводов, являясь его сверстниками, считали Рылова первым среди равных и где-то даже подражали ему, стремясь поскорее тоже выйти в ротные. Комбат старался любым путём подзадорить Рылова, уязвить его самолюбие, заставить снова вспыхнуть, потому что спад в его работе моментально вызывал апатию подчинённых, которых с ротным объединяла не только служба, но и какие-то общие интересы за пределами части.

В восьмой роте всё и всегда было лучшим (табуреты покрашены, тумбочки застелены чистой бумагой, ящики с матбазой подписаны, всё имущество упаковано и связано, каждый взвод отвечает за своё), и это несмотря на то, что старшина роты прапорщик Дробот в этом деле никакой роли не играл. Он как-то сразу не вписался в ротную жизнь и, хотя имел солидный возраст и внушительный вид, постоянно конфликтовал с сержантами, которые, естественно, старались его подставить при каждом удобном случае.

В общем, если своевременно отпинать Рылова, то за восьмую роту комбату можно было не беспокоиться.

Сложнее обстояли дела с девятой. Там коллектива не было, и ротный, ровесник Рылова, старший лейтенант Травченко, весь груз взвалил на себя, неверно истолковав слова Драгомирова, что девизом ротного командира должно быть не рвать, а тянуть. Вот и тянул ляльку, но... в одиночку.

Пронрыливый старшина Смирнов, рыжий крепыш с перебитым носом и бегаящими глазками, работать умел, но потихоньку и он свою ношу перевалил на ротного. К тому же старшина был не дурак выпить, прихватывал с кухни и со складов продукты. Однажды он попытался даже всучить кусок мяса комбату, но тот по своей неопытности оскорбился, приказал мясо бросить в общий котёл, и с тех пор старшина отеческую заботу о нём проявлять перестал.

День и ночь Травченко пропадал в роте, но всё равно насущные вопросы решались с трудом. В его же отсутствие и вообще никак. Сейчас Травченко был на месте, и комбат за девятую роту тоже был более-менее спокоен.

Больше всех перед отправкой в Карабах, конечно же, болела голова у командира полка полковника Саповичева. Не в силах выполнить поставленные задачи по созданию запасов материальных средств, он ещё за месяц до выхода посетил главу администрации Октябрьского района Евгения Петровича Луганцева, ширококостного, крупного мужчину средних лет с внимательными маленькими глазами-буравчиками, никак не соответствующими доброжелательному выражению его постоянно улыбающегося лица.

— Поймите правильно, — жаловался командир, — выезжаем на три месяца, а на складе из круп одна перловка. Помогите помянуть её, проклятую, на гречку, пшено или хотя бы овсянку.

Луганцеву в принципе на командирские проблемы было начинать — своих забот хватало. Однако он не зря пользовался уважением земляков.

— Константин Николаевич, не волнуйтесь, подниму руководителей, объясню. Присылай завтра своего заместителя по тылу — решим.

Саповичев знал, что если глава пообещал, то не обманет. Но просить ещё чего-то было уже неудобно. Оставался один выход — ехать на поклон к начинающим бизнесменам, самым влиятельным из которых слыл проживающий в соседнем городе Шахты некто Вельмицкий.

Андрей Вельмицкий был моложе полковника на пять лет. В детстве хватил нищеты и даже голода, выучился, дослужился до капитана милиции, и быть бы ему со временем городским, а то и районным милицмейстером, но волна демократизации открыла путь его инициативе и предприимчивости, да так широко, что буквально за год у него появился довольно солидный капитал.

Выслушав просьбу Саповичева по поводу досок, Вельмицкий только вздохнул:

— Ладно, собирался дачу строить, сороковку уже полгода сушу, но на святое дело пожертвую. Приезжай завтра, отберём.

На другой день Саповичев с КамАЗом был в условленном месте. Вельмицкий осматрел штабеля, похвалил древесину и, повторив: «На святое дело не жалко», набил грузовик под самый тент...

Подготовка осложнилась тем, что дембеля, начитавшись и наслушавшись разной демократической заразы и теперь предчувствуя недоброе, начали роптать. Узнав об этом, командир дивизии развернул кипучую деятельность, чтобы в корне подавить недовольство. Он выступал на собраниях, убеждал, обещал и даже клялся, что все командирские уволятся до первого декабря; те же, кто останется в пункте постоянной дислокации, пусть об этом до Нового года и не заикаются. И все понимали — так оно и будет: в те годы лучших увольняли первыми, а разгильдяев в последнюю очередь. И это неписаное правило являлось мощнейшим средством укрепления дисциплины. Что ты там ни

Об авторе

Сергей Николаевич КОНОВЛОВ родился в 1957 году. Окончив Саратовское высшее военное командное училище, служил в частях по охране важных государственных объектов. Затем учёба в Военной академии им. М.В. Фрунзе и десять с лишним лет службы на Северном Кавказе в нефтерывных боях и походах.

Награждён орденом "За военные заслуги", многими медалями.

Командовал бригадой, дивизией, ныне — начальник Северо-Кавказского военного института внутренних войск МВД России, генерал-майор.

В нашем журнале публиковались его стихи и рассказы.

говори, а решающее слово всегда оставалось за командиром роты, который мог своей властью и отправить солдата домой на другой день после выхода приказа министра, и задержать до боя курантов тридцать первого декабря. И всё на законном основании.

Доверчивые дембеля, чтобы уволиться пораньше, все как один вызвались ехать. Остались только лежачие больные. Но эти — не в счёт.

Валеев никуда не поехал. Приступу и Касева в госпиталь уложить не удалось.

Погрузка в эшелон прошла без особой нервотрепки, и в середине сентября полк подъезжал к Степанакерту.

3.

На железнодорожном перегоне между Аскераном и Степанакертом комбата разбудил Вогомоллов:

— Товарищ майор, посмотрите, что делается. Там же настоящий бой идёт!

Комбат вышел в тамбур, где у открытой двери стояли несколько офицеров. Километрах в двух от железной дороги действительно грохотало. Явственно виделись транссирующие очереди, вспышки от разрывов снарядов и мин. То тут, то там в небо взмывали осветительные ракеты.

— Вот как Карабах нас в этот раз встречает, — вздохнул кто-то из офицеров, а другой добавил:

— Ещё неизвестно, как провожать будет...

Разговор оборвался, не начавшись. И так всё всем было ясно. Советский Союз разваливался на глазах. С ним, как с немощным, лежащим на одре, пусть и некогда сильным человеком, уже никто не считался. Воинством пытались затыкать дыры, но оно и само стремительно становилось каким-то самостоятельным и никому не нужным организмом, на который отовсюду смотрели нагло и с одной-единственной мыслью: как бы отщипнуть кусочек повесомей да пожирнее.

Так было и в Нагорном Карабахе. Полк опять возвращался сюда, и комбат, как и другие офицеры, понимал, что штыками дешёвый пожар не погасить.

Карабахский нрав созрел давно. И хоть вспыхнувшую вражду между армянами и азербайджанцами иные ретивые политики пытались объяснить памятью о геноциде армян в начале двадцатого века, концы с концами как-то не сходились. Если причина только в этом, то почему же все мы через шесть-

десят лет не испытываем лютой ненависти к немцам, убившим десятки миллионов наших соотечественников? Нет, чувство ненависти кем-то умело подогревалось, огню кто-то упорно не давал угаснуть, несмотря на провозглашавшуюся в стране единую общность — советский народ...

Степанакертский железнодорожный вокзал оставался таким же, как и год назад: заплёванным, загаженным, с дверьми, забитыми досками, с выбитыми стёклами в оконных рамах. Станция была тупиковой, поезда дальше не шли. Азербайджан сюда не пропускал автомобильный, железнодорожный и воздушный транспорт, делая исключение только для военных, которых по инерции ещё уважал, однако всё чаще и чаще давал понять, что терпит их только из-за того, что армия должна бороться с армянскими боевиками.

Степанакерт, как и весь Карабах, находился в блокаде. У армян не было ни хлеба, ни бензина, ни солёнки, ни лекарств — ничего, что производилось за пределами НКАО. Армяне не могли ни выехать за пределы области, ни въехать в неё, потому что путь лежал через азербайджанские земли. Народ был доведен до отчаяния круглосуточными стоянками в очередях, отсутствием работы и повседневным страхом. Так долго продолжаться не могло.

Войска кое-как сдерживали взрыв, не допуская открытых боевостолкновений, сопровождали колонны грузов и людей через враждующие территории.

Однако осенью 91-го стало окончательно ясно, что новому правительству России не до Карабаха. Офицеры и солдаты скорее по привычке продолжают выполнять свои обязанности, ожидая политического решения руководства...

После выгрузки из эшелона объявили обед. Старшины получили в термоса нехитрую снедь и оттащили их поближе к кучам рогатого имущества. Оставалось дело за малым – раздать пищу по солдатским котелкам.

Однако вышла заминка – не у всех оказались ложки.

Касев ещё за неделю до выезда одолжил свою подсевшему за стол бойцу из соседнего взвода. Кому именно – забыл. И теперь, если на ужин ещё ухитрился, как и многие другие, подковать корочкой хлеба жидкое картофельное пюре, то обедать было сложнее. Горячий суп обжигал губы, если его пить, как чай. Тем не менее уже через несколько дней Касев привык обходиться без ложки и особых неудобств не испытывал. К тому же перед самым отъездом, убирая опустевшую казарму, он наткнулся на забытую кем-то ложку, но радость оказалась недолгой. Уже в пути во время обеда в офицерском отсеке на столе наряду с домашними продуктами оказались банки с тушёной. Но чем её есть? Старший лейтенант Булидов, сидевший с краю, повернул голову в глубину вагона и гаркнул:

– Мусайтов, три ложки сюда, живо!

Заместитель командира взвода старший сержант Мусайтов был обучен подобные команды выполнять мгновенно. Он тут же отобрал три ложки у сидящих рядом с ним бойцов и передал командиру взвода. Так Касев снова остался без ложки.

Комбат, недавно окончивший академию, по молодости лет пытался вникать во все проблемы батальона и, контролируя завтрак, обнаружил, что у доброй половины солдат седьмой роты ложек нет. “Почему?” – этот вопрос он и задал ротному.

– Товарищ майор, я их всем положенным имуществом обеспечил. Но они за своим барахлом не следят, хотят жить, как свиньи.

– А вы-то зачем? – не отступал комбат. – Почему ежедневно не проверяете, не требуются ли командиров взводов? Это говорит только о том, что в роте порядка нет.

Начальственный тон комбата бесил Вогомоллова, тем более что они были ровесниками, но открыто проявить недовольство ротный не решился.

– Я устранил недостатки, – буркнул он.

Наступило время обеда. Вогомоллов встал у бачков с пищей и разрешил отпустить её только тем, у кого были ложки. Остальные обошлись хлебом и компотом. После этого капитан построил роту и пообещал, что и на ужин будет то же самое.

Голодный Касев сразу после обеда отправился к земляку в девятую, чтобы тот на время одолжил свою ложку. Так поступил, судя по всему, не только он один, так как к ужину вся седьмая рота была полностью укомплектована имуществом продслужбы.

Комбат остался доволен и больше ложки не проверял...

На следующий день рано утром седьмую и восьмую роты погрузили на машины. Сначала дорога шла по окраинам Степанакерта, но за мостом через

неширокую, но бурную речку пошла в гору, закручиваясь на её склонах гигантской спиралью. По обочинам, жадно цепляясь корнями за камни, росли деревца с ярко-красными плодами, в которых Касев, к своему удивлению, узнал гранаты. Встречались и другие деревья, но уже хорошо знакомые. Все они были переплетены колючим кустарником, напоминавшим гигантскую ежевику с крупными тёмно-бордовыми ягодами.

Чем выше забиралась машина, тем величавее становилась картина Степанакерта, остававшегося внизу.

День выдался ясным, и вдалеке отчётливо просматривались развалины Аскеранской крепости. Однако эта красота рождала у Касева скорее животный ужас, чем преклонение, потому что буквально в двух метрах от обочины склон круто уходил вниз. Неверное движение водилы и... От одной этой мысли становилось дурно.

Наконец колонна въехала в Шушу, городок, который не был похож ни на один из виденных Касевым раньше. Здесь всё было каким-то миниатюрным, ухоженным, причудливо приспособленным под скалисто-холмистый ландшафт. Город был старым, это Касев понял по размерам гигантских кладбищ, окружавших его, по фрагментам крепостной стены, мимо которой проезжали. Сколько поколений смотрело на эти древние камни до Касева и сколько ещё будут глядеть после него! А камни тоже будут молча взирать на людей, их возно: ненависть, любовь, измену, страх, надежды...

4.

Батальон разместился в одном из зданий бывшего санаторного комплекса, отдыхать в котором с началом карабахского конфликта дураков не находилось, и поэтому он, как и подобные ему, был предоставлен войскам.

Через полчаса после прибытия Касева назначили в группу охраны и сопровождения автобуса и “уазика” с азербайджанцами до Степанакерта.

Перед отдачей приказа комбат оглядел строй и, обращаясь к командиру седьмой роты, сказал:

– Аркадий Федорович, тринадцать человек –

число несчастливое. Вы лучше одного добавите или уберите.

На что Вогомоллов возразил:

– Товарищ майор, я группу подготовил, провел расчёт посадки по машинам и изменять её численность из-за каких-то предрассудков считаю нецелесообразным.

Комбат пожал плечами: что ж, пусть будет так.

Впереди шёл “уаз”, за рулем которого восседал азербайджанец средних лет в форме сержанта милиции. Справа от него – молодой следователь в белой рубашке. На заднее сиденье забрался солдат: сначала Касев, посередине Раджабов, сухощавый таджик, плохо говоривший по-русски, и у левой дверцы рядовой Громов, светловолосый москвич, прослуживший почти два года. Его ротный назначил старшим группы. Остальные бойцы прошли в автобус.

Перед посадкой Громов распределил сектора обстрела. Касеву в случае нападения надлежало стрелять вправо через дверную форточку; Раджабову назад через стекло. Сам Громов держит на мушке левую обочину дороги. В автобусе солдаты расселись у окон. Сопроводить азербайджанцев предстояло в Степанакерт через посёлок Майбели.

Милицейский сержант, стараясь показаться бывалым воином, принялся ругать армян и похваляться участием в спецоперациях по поиску армянских боевиков. Едва спустившись с Шушинской горы, он вынул из кобуры пистолет и дважды выстрелил из него в сторону армянских построек.

Чувствуя, что наступает беспредел, Громов ткнул его в плечо:

– Хорош ерундой заниматься!

– Ничего, не волнуйся. Пусть армяшки побоятся немножко, – пробурчал тот. Однако пистолет убрал и больше его не доставал.

До Майбели добрались без происшествий. Высадили одних пассажиров, загрузили новую партию; следователь тем временем быстро решил свои вопросы; и уже через час тронулись в обратный путь.

Истратив запас бравяды, сержант-азербайджанец рулил молча.

Касев наблюдал в оконце за жизнью Степанакерта. Дома от дороги уступами поднимались на возвышенности. Огромные, кирпичные, квадратные, часто двухэтажные, с просторными верандами, поддерживаемыми железными столбами, они причудливо вписывались в рельеф горы. Нет, таких хором в Ульяновской области Касеву встречать не доводилось. Там сплошь небольшие, одноэтажные деревянные домишки, обнесённые хлипким штакетником, окружённые почерневшими сараями да кособокими хлевами. Они всем своим видом говорят об отсутствии достатка. А тут...

Внезапно размышления прервались. На высокой веранде одного из армянских домов, стоящего метрах в шестидесяти от дороги, Касев заметил двух мужчин. “Чай, что ли, пьют?” – подумалось ему, когда один из них, высокий и бородатый, отставил в сторону чашку. Потом он встал со стула, и в руках его оказался неизвестно откуда взявшийся автомат.

Касев ещё не успел осознать смертельной опасности, когда из ствола армянского “калаша” запульсировало огненное облачко. Почти одновременно раздался испуганный крик водителя, а лобовое стекло прямо перед следователем моментально покрылось кровавым месивом.

Вид крови привел Касева в себя, но вместо того, чтобы дать ответную очередь, он согнулся пополам и стал лихорадочно забываться под переднее сиденье. А вот Раджабов, сидевший посередине, на происходящее среагировал моментально. Громко матерясь, он развернулся вправо, одновременно досылая патрон в патронник, выставил АКМ в форточку и дал очередь по бородатому боевику. Эта очередь спасла не только сидящих в “уазике” людей, но и всех пассажиров автобуса, потому что после ответного огня оба армянина моментально укрылись за стенами дома.

Машины, увеличивая скорость, помчались к Шуше. Раненный в руку водитель “уаза”, не обращая внимания на хлещущую из раны кровь, давил на пе-

даль газа, стремясь отъехать как можно дальше от опасного места. Не отставая и автобус. Колонне удалось благополучно выскочить из города, миновать мост через речку Кар-Кар и начать подъём по горному серпантину.

Только теперь, почувствовав, что смертельная опасность миновала, водитель “уаза” расслабился и тут же потерял сознание. Слава богу, что в последний момент он успел вывернуть руль, отворачивая машину в сторону от обрыва.

В автобусе тоже дали по тормозам. Солдаты смогли уцелевшим выбраться из завалившегося набок “уаза”, потом поставили его на колеса, извлекли убитого наповал следователя и так и не пришедшего в сознание водителя.

Заноса мёртвого следователя в автобус, Касев востребовался:

– Смотрите, он ещё теплый! Наверно, ещё живой!

Надо срочно сделать искусственное дыхание...

На что сержант Мусайтов зло прошептал:

– Придурок, ты посмотри на его лоб. Полчере-пушки вместе с пулей улетело...

Касев, до этого старавшийся не смотреть на лицо убитого, приподнял глаза и увидел, что в левой стороне лба покойника действительно зияет дыра величиной с детский кулак и из неё сочится какой-то буро-серый студень.

“А ведь пролетит пуля сантиметром на сорок левее, и моё безжизненное тело лежало бы сейчас на полу автобуса. И на него с ужасом и содроганием смотрели бы другие люди, – подумалось Касеву. – И я никогда больше не увидел бы ничего. Ни матери своей, ни родного дома”.

Касев не мог понять: как это окружающий мир может вдруг перестать существовать для него? Как может случиться, что он никогда уже ничего не почувствует? Что этот мир превратится в ничто?..

Какой долг, какая любовь, какая присяга? Все эти слова вместе с огромным будничным миром там, за смертельной чертой, превратятся в ничто, и он никогда не возвратится в этот мир. Как же это возможно?!

Окружающие Касева солдаты тоже испытывали чувства угнетения и страха. Мир как будто бы переменился. До обстрела опасность казалась и далёкой, и не страшной, а их действия напоминали игру, которая вдруг обернулась ужасом ожидания смерти.

Комбат после доклада о прибытии группы осмотрел пулевые отметины в корпусе автобуса, исковерканный пулей ствол автомата и решил зачем-то оторваться на ротном:

– Говорил я вам, товарищ капитан, что надо было или одного убить, или одного добить!

Вогомоллов в ответ тяжело вздохнул:

– Я, товарищ майор, не знаю, какому богу молиться, что все бойцы живы остались. Вы посмотрите, автобус-то весь в пробоинах. А если бы в том месте, где пуля вошла, сидел ваш четырнадцатый?

Комбат, успокоившись, пошёл докладывать командиру полка о случившемся. Тот, в свою очередь, приказал эвакуировать брошенный “уазик” и прочесать местность, пообещав придать на усиление бронетранспортёр.

Приехав за обещанным бэтээром в расположение полка, комбат сначала выслушал недовольство

командира по поводу обстрела, а затем его установ-ку ездить только на бронетехнике.

Майор вернулся к машине. Возле неё уже стоял БТР. Бронированная крышка мотора была поднята, и из-под неё виднелся тощий зад в засаленных солдатских штанах.

– Эй, боец! – окликнул комбат. – Тебя, что ли, мне придали?

Из-за железа выглянуло растерянное костлявое личико с испуганными глазами.

– Да, да... Сейчас вот заводить буду. Почему-то мотор заглох...

– А дорогу на Шушу знаешь?

Солдат замотал головой:

– Откуда? Я ничего не знаю. Я – молодой. Меня только вчера привезли. Я и на марше был всего раз, и в устройстве бэтэра не разбираюсь.

По-видимому, он пообщался с бойцами, попавшими под обстрел, узнал об опасной дороге и предстоящей задаче.

– Ну, раз ничего не знаешь, тогда оставайся здесь вместе со своим бэтэром! – зло выдохнул комбат, представив, как ему придётся тащить этот БТР в Шушинскую гору, если он заглохнет где-нибудь на серпантине. – Скажешь своему командиру, что ты неисправен, а я не стал ждать, пока отремонтируешься.

Водитель закивал головой, и счастливая улыбка расплылась по его грязному лицу.

...Поиск никакого результата не дал. Под вечер обе роты вернулись в расположение. Ночь прошла тихо.

5.

Утро комбат начал с физической зарядки, приказав быть на ней всем офицерам. Воздух был неподвижен и чист. Нехватка кислорода на высоте двух километров почти не ощущалась, зато создавала удивительное ощущение легкости и чистоты в груди.

С севера Шушу окаймляли пологие горы, местами поросшие лесом. Они хорошо просматривались благодаря тому, что здание санатория располагалось почти на самой верхней точке скалистого плато, которое обрывалось с юга отвесным каменным склоном. С крыльца был хорошо виден санаторный парк, спускавшийся к городской черте, и сам город с его узкими улицами и многочисленными садами. И парк, и город, и горы открывались взгляду одновременно, создавая впечатление чего-то сказочного.

С востока обзор закрывала серая гора с телевизионной на вершине. С запада поднималась зелёная стена деревьев парка. Зато с юга, если подойти к краю обрыва, можно было видеть широкую долину с раскинувшейся на ней столицей Нагорного Карабаха – городом Степанакертом и почти у самого горизонта руины старинной крепости Аскеран. Южнее, у самой подошвы Шушинской горы, вытянулся длинной лентой поселок Киркиджан.

Комбат построил батальон и, заняв место в голове колонны, указал в сторону горы с телевизионкой. Метров двести бежали по равнине, затем начался длинный подъём.

Касев, как и большинство бежавших, не скрывал недовольства:

– И перед кем так комбат выслушивается? Вчера под пули послали, сегодня – горы штурмуй... Кому это нужно?

А комбат тем временем приказал начинать зарядку, которая минут через двадцать закончилась построением всех офицеров.

– Вот, товарищи офицеры, так каждый день теперь будем заниматься. И предупреждаю, на утренней зарядке быть всем, никому не уклоняться!

Особой радости это приказание не вызвало. Первым не выдержал Вогомоллов:

– Товарищ майор, вы что, хотите нас докопать? У меня язва, мне вообще бег противопоказан. В роте у меня каждый день будет ответственный офицер назначаться, согласно графику. Вот он с солдатами бегать и станет.

Своего ротного поддержал Булидов и со свойственной нагловатой прямоотой заметил:

– Кому нравится по утрам бегать, пусть и бегает! А я-то тут при чём? Мне вообще после наряда сейчас по закону спать полагается.

– Товарищ майор, – чувствуя общую поддержку, горячо заговорил Рылов, – действительно, пусть ответственный офицер этим занимается. Утреннюю физическую зарядку положено проводить с военнослужащими срочной службы, а офицеры должны заниматься самостоятельно. Да и солдат здесь, в командировке, я бы мучить не стал...

Комбат сначала хотел одёрнуть Вогомоллова, но когда все офицеры загудели, понял, что на голос здесь никого не возьмёшь. Стараясь быть спокойным, он заговорил:

– Товарищи офицеры, можно обойтись, конечно, и без утренней физической зарядки. Утренний осмотр тоже проигнорировать. Можно обойтись и без занятий, инструктажей. А форму одежды зачем соблюдать? Ведь нас никто здесь проверять не станет. Так – нет?!

Какое-то время он смотрел злыми глазами на приумолкших, словно опешивших подчинённых, затем рывком вытянул перед собой руки, сложив пальцы в увесистые дули и медленно повёл ими по кругу:

– Вот! Вот! Вот вам! И утреннюю зарядку проводить будете, и на разводах будете стоять, и занятия с инструктажами проводить, и в столовую солдат водить!

Но, видимо, в какой-то миг почувствовав, что властная палка уже не перегибается, а вот-вот готова сломаться, спокойней добавил:

– Хотя, конечно, на том, чтобы все ходили на физзарядку, я не настаиваю. Но один офицер от роты должен быть непременно. Если же это требование выполнять не станете, побежите все. Во главе с ротными.

6.

Вторым днём в Шуше Касев остался доволен. На службу он заступил во внутренний караул, где было три парных поста. Первый – по охране парка, вто-

рой – въезда на территорию ПВД, и третий – по охране столовой.

Те, кто был весной в Степанакерте, помнили молчаливо-угрюмые очереди жителей, сутками простаивавших у дверей хлебных магазинов, чтобы купить хоть половинку лаваша. Больше в одни руки не давали. Соответственно и в батальоне постоянно не хватало хлеба. Помочь военному армяне не могли, хотя для солдат ничего не жалели. Блокада – она и есть блокада. Теперь батальон размещался на азербайджанской территории, и хлеба было вдоволь.

Стоять на посту Касеву выпало в третью смену у столовой. Его напарником оказался рядовой Приступа, по сути, дембель. Родом он был с Украины, обладал мягким выговором, который несколько убождал хронический насморок. Приступа сильно тосковал по дому и своим гундосым нытьём, сопровождаемым подкашливанием и шмыганьем, навёл тоску на окружающих.

– Дывься, вин – север, а вин – моя Украина. Я бы туда хучь пешком пошов, – говорил он, указывая Касеву на северо-запад.

– Тебе, Приступа, хорошо, – отвечал тот. – Ты, считай, уже гражданский человек. А мне ещё полтора года дуплиться. Сейчас вот двухсменки начнутся. А это значит – до конца командировки шея от каски в грудь уйдёт по плечи, бронешилет горбатым сделает на всю оставшуюся жизнь.

Ночь тянулась бесконечно: четыре часа на посту, потом разряжание оружия, боевой расчёт, тяжёлый сон на двухъярусной кровати, снова пост, четыре часа на ногах, смена, завтрак, короткий сон, после которого голова становилась чутунной, а тело наливалось свинцом, и снова пост. А впереди никакого просвета – изматывающее однообразие – через день на ремешь.

Приступа уже давно молчал, прислонившись спиной к стене столовой так, чтобы бронешилет немного приподнялся над натруженными плечами. Касев, приткнувшись к фигурной каменной урне, наблюдал за дорогой, по которой должна прийти смена. Светало. Город спал, в окнах не горели огни, и только уличные фонари щедро светили окрест.

Вдруг где-то далеко на севере прогреготало. Невольно повернув головы, часовые увидели летящий откуда огненный шар с хвостом пламени, который над самым центром города вдруг погас и через несколько секунд близкий взрыв сотряс воздух. Следом за первым прилетел второй шар, третий, четвёртый...

Зрелище было необычным и довольно-таки красивым. Кометы приближались, гасли, взрывались.

В окнах городских домов стал зажигаться свет. На крыльцо санатория высыпали дежурные по ротам и проснувшиеся офицеры, чтобы полюбоваться необычным зрелищем.

Касев и Приступа тоже вышли на середину дорожки, чтобы лучше видеть происходящее.

Кометы всё летели и летели. Одна из них погасла над самым санаторием. Через несколько секунд метрах в десяти от крыльца разнуло. Раздался резкий свист, а затем с неба посыпались куски земли и

камни, один из них звонко щёлкнул по касевской каске.

– Приступа, давай сюда! Живей! Это же обстрел! – заорал Касев и бросился к ближайшему окопу. Сверху на него навалился Приступа. Окоп был отрыт на одного, но Приступа, не желая оставаться наверху, ужом втиснулся в узкую яму. Через несколько секунд, уже вжавшись в каменистую землю, солдаты ждали очередного разрыва. Время шло, а небо молчало.

– Ты почто возишься, як жук навозный? – недовольно пробурчал Приступа. – Сейчас уж, чую, они закончат. Видать, армяне эти ракеты пускают. Яка попадёт в окоп, от нас микро мисце буде...

У Касева, и без того оробевшего, как-то странно сделалось внизу живота: несколько раз там напряглись и сократились мышцы, о существовании которых он раньше и не подозревал. Он вспомнил вчерашний обстрел, убитого следователя, и волна ужаса сильнее вчерашнего накрыла его с головой.

В той стороне, откуда летели ракеты, послышалась автоматная стрельба. Через несколько минут обстрел окончился.

Касев, не поднимаясь из окопа, срывающимся голосом проорал неизвестно кому:

– Всё, караул отстою, и больше сюда ни ногой! Пусть делают что хотят, куда угодно ставят – на кухню, дневальным по роте... Но под обстрел больше не пойду. За что жизни лишаться? За что калёкой становиться? Кому надо – пусть жмутся по окопам. А я – хренушки!

– Ты, Касев, дурак! – рассудительно изрёк Приступа. – Який наряд по роте? Яка кухня?.. Там же усе время вкальывать надо, спать не дают, постоянно шпыняют. Нет уж, нехай в окопе. Да и в здании толком не укроешься: влетит така дура в окошко – мало никому не покажется.

– Ну дурак не дурак, а всё равно в здании крыша над головой. Если обстрел, то можно перейти туда, где окна в безопасное место выходят...

– Ну як знаешь. А я лучше здесь лямку тянуть буду, чем в группу “Н” добровольно записываться.

После смены Касев подошел к Вогомоллову и попросил не ставить его больше в караул, не назначать на сопровождение колонн и вообще не привлекать к службе с оружием.

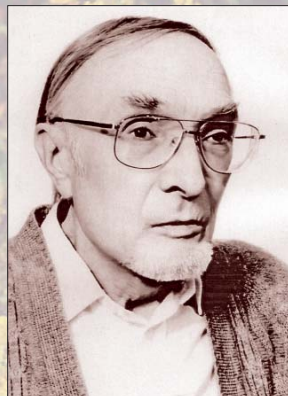
– Это ещё почему?

– Боюсь я, товарищ капитан, – последовал прямодушный ответ.

– Ну раз боишься... Тогда ходи в наряд по столовой и в наряд по роте. Только никому не говори, что боишься, а то пацаны зачмырят тебя окончательно...

Продолжение следует.

Евгений Александрович КАРАСЁВ – известный московский поэт, автор многих поэтических книг. А ещё он вдумчивый наставник молодых армейских поэтов, редактировавший в своё время многие книжки воениздатовской поэтической серии “Старт”. Благодаря и ему в своё время вышли к широкому читателю Виктор Верстаков, Евгений Гулидов, Валерий Латынин, Юрий Кириллов, Валерий Черкашин и десятки других одарённых молодых офицеров и прапорщиков. А ещё – он давний и верный друг нашего журнала, его стихи впервые были опубликованы здесь в конце 70-х.

Сегодня, поздравляя Евгения Александровича с 75-летием, мы от души желаем ему человеческого и творческого долголетия, а наших читателей знакомим с его новыми стихами.

ЖИЗНЬ, ТЫ МНЕ РАДОСТЬ

* * *

Те же склоны. Те же ветры.
Те же галки.
Всё как было – и открыто,
и сурово.
Ты прости меня, прости
за жребий жалкий,
только в жизни мне
не выпало другого.

Вот и осень.
Но пока ещё не старость.
И пока ещё над нами
свет высокий.
Что осталось нам с тобою?
Что осталось?
Те же грёзы. Те же муки.
Те же строки.

* * *

После скитаний
и после потерь
снова матчат
под молчанием сосен.
И ожидать, когда в ясную
осень
кто-то раскроет
скрипучую дверь.

Выйдет, коснётся плеча
моего,
бедное сердце метнётся,
как прежде.

О, этот миг!
Обернусь я в надежде –
солнечный луч,
а вокруг никого.

Так под молчанием сосен
стоять,
чувствовать Родину,
свет её вечный,
благословлять её зов
бесконечный.
И ожидать, ожидать,
ожидать.

* * *

Ах, где они, сваи,
обвитые тиной?
Меж них и кружилась,
и пела вода...

Как всё пережитое
невозвратно,
так этот мосток
не вернуть никогда.

Река опустела,
объятая светом,

ни грусти, ни тени
на ней никакой.
А память... А память
по доскам нагретым
меня переводит
на берег другой.

Ступаю, ступаю...
Навек остаётся
всё это,
к чему не вернуться не мог.
Ступаю и жду –
неужели прогнётся
и скрипнет у самого сердца
мосток?..

ЛОШАДЬ

Окраина родного городка.
И снова пальцы обжигает
нервно.

Калитка скрипнет –
выйду в 41-й,
где по дороге всё войска,
войска.

За лесом грозно громыкает
гром.
Плетутся по обочине
крестьяне.

Солдат с размаху
лошадь бьёт куном –
ослабшая, оружие не тянет.

Я у седой дороги босиком,
волнением и жалостью охвачен,
глотая пыль

и, не стесняясь, плачу,
размазываю слёзы кулаком.

А лошадь – вся спина её в поту –
едва стоит,

глаза уставя в землю.
И жгучие удары по хребту
теперь уже как должное
примлет.

Ах, серая, она ещё стройна,
она ещё по-своему красива.
Но на дороге сделала шаг
не в силах.

И приговор выносит ей война.

я пил эти звёзды взахлёб
в морозной густеющей сини.

Сползала слеза по щеке
и падала оледенело.
Что видел я там, вдалеке
сквозь чёрную прорезь прицела?

Не рожицу, где тишина
хрустела снежком без опаски, –
навстречу глядела война
в ещё не простреленной каске.

Душа, остывая, как играл,
дышала огнём и железом.
Не поле, а мир пополам
был мёрзлой траншеей
разрезан.

* * *

Слетались птицы
в мёртвые сады.
Бои гремели дальше,
за Можайском.
Сквозь пепел и чужих сапог
следы

сквозила зелень
в гамоне предмайском.

Ах, жизни!..
И мы живые как-никак,
бессильные, но всё-таки живые.
Я сладко плакал, я смеялся так,
как будто видел этот мир
впервые.

И падала весёлая вода,
и размывала рыжую траншею...

Так радоваться жизни,
как тогда,
я никогда, наверно, не сумею.

* * *

ОКОПНАЯ РЯБИНА

Дрожит она, безлиста и худа,
за большим,
в окопе неглубоком.
Как и откуда забрела сюда?
Иль вспомнила о кам-то
ненароком?

Иль, может быть,
мечтой далёкой чьей,
любовью чьей
живёт на поле брани?

Она от выюг не бережёт
ветвей
и о металл тугие корни
ранит.

Неколебимо, жертвенно стоит,
она, солдатка,
не боится тягот.
И неизвестно для кого хранит
под сердцем кисть
заледевших ягод.

Сквозь пепел, неподимая, она
врастает в землю
трепетно и свято.
Как будто хочет ощутить
сполна
ту боль, что пережили мы
когда-то.

Сродниться бы с миром
зелёным,
сродниться бы с тварью
живой.
Железом дышу и бетоном,
всё режусь и режусь – травой.
Земного и нежного мало.
Ну что ж, времена таковы.
В крови моей привкус металла
сильнее, чем привкус травы.

* * *

Чёрные ветви
на снежном просторе.
Чёрные ветви вблизи и вдали...

Всё-то я полною – и радость,
и горе.

Жизнь,
ты мне радость
ещё подари!

Ты подари мне денек
поприветней
И разбросай по нему снежицей.

Чёрные ветви на белом
заметней.
В памяти чёрные тропы
видней.

ТРИЖДЫ НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

О жизни и деятельности лидера большевиков и первого руководителя советского государства Владимира Ильича Ленина известно, казалось бы, всё. Но некоторые факты его биографии по-прежнему как бы отодвинуты на второй план. К примеру, в советские времена была практически под запретом вся правда родословной вождя русской революции, особенно по материнской линии. А там – ни одной русской фамилии, всё – Орstedты, Гросшопфы да Бланки.

Или ещё одна не до конца разгаданная загадка – тайна покушений на Ильича. Кто организовывал эти покушения, кто осуществлял, кто расследовал, какова в этом роль чекистов и соратников – однозначного ответа на эти вопросы до сих пор не могут дать ни историки, ни юристы.

Автор вышедшей в старейшем московском издательстве “Молодая гвардия” книги “Три покушения на Ленина” Борис Сопельняк предпринял попытку назвать вещи своими именами. С этой целью он тщательно изучил многочисленные рассказы и воспоминания всевозможных свидетелей и очевидцев, а также мифы, сочинённые по заказу Кремля. В результате получилось довольно интересное для любознательного читателя исследование.

Историки до сих пор ломают копы по поводу поездки Ленина со товарищи через Германию в пресловутом “опломбированном вагоне”: кто её финансировал, на каких условиях русскому политэмигранту и его соратникам разрешалось пересечь воюющую с Россией Германию? Всё это до недавнего времени было тайной за семью печатями. Теперь фамилия человека, сопровождавшего будущего вождя, известна – Фриц Платтен, швейцарский социалист и тайный агент РСДРП.

Но эта загадочная личность оставила след в истории не только тем, что организовала безопасный проезд русских революционеров по территории противника. Платтен нес-

колько позже спас Ленина от верной смерти во время первого покушения.

Оказывается, русская социалистическая революция, толком не начав своё “победоносное шествие”, могла бы закончиться ещё 1 января 1918 года. В этот день несколько фронтовиков, среди которых были капитан Зинкевич, подпоручик Ушаков и военврач Некрасов, создавших так называемую “Охотничью бригаду”, попытались убить большевистского вождя, приведшего Россию к подписанию позорного Брестского мира с Германией.

Но осуществиться замыслу террористов по странному стечению обстоятельств помешал всё тот же загадочный “тов. Платтен”...

Второе покушение на Ленина связано с именем Фейги Каплан. Как известно, 30 августа 1918 года Владимир Ильич после выступления на заводе Михельсона получил две отравленные пули, якобы выпущенные из браунинга полузрячей эсеркой.

“То ли сумасшедшая, то ли экзальтированная” – так охарактеризовал Каплан зампред ВЧК Петерс в разговоре с Луначарским... А пули-то, извлечённые из тела вождя во время операции в 1922 году и при бальзамировании в 1924-м, оказались разного калибра...

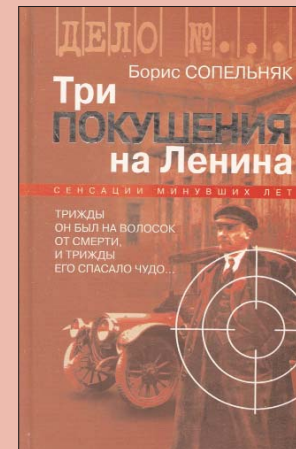
В третий раз Ленин едва не стал жертвой известного московского налётчика Яшки Кошелькова. Но это был не теракт, а обыкновенный бандитский гол-стоп.

Вот как это произошло. Автомобиль председателя Совнаркома тёмным январским вечером 1919 года остановили в Сокольниках вооружённые люди. Бандитов приняли за патрульных милиционеров, которые тогда ещё не имели единого форменного обмундирования.

Водитель притормозил машину. Люди с наганами в руках резко открыли дверцы и потребовали выйти.

– Что вы делаете? – произнёс Владимир Ильич. – Я – Ленин. Вот мой документ.

– Чёрт с тобой, что ты Левин! – рывкнул один из бандитов, не рас-

слышав фамилии. – А я Кошельков – хозяин города ночью.

Водителя и пассажиров высадили и, обыскав, отпустили. Так, всего одна буква “в” вместо “н” спасла Ильичу жизнь. А бандиты покатались на автомобиле вождя на очередное дело. Но улицы Москвы уже были перекрыты по тревоге чекистами, курсантами и милиционерами. У Крымского моста налётчики напоролись на засаду. В ожесточённой перестрелке убили одного милиционера и курсанта-артиллериста и, бросив автомобиль, скрылись от преследования.

Московские чекисты и милиционеры в течение нескольких месяцев провели не одну спецоперацию по ликвидации неуловимой банды. Наконец 21 июня 1919 года Кошельков получил смертельное ранение в перестрелке с чекистами. Руководитель операции чекист Фёдор Мартынов в докладной записке указал: “В карманах Кошелькова мы нашли документы сотрудников МЧК Ведерникова и Караваева... а также два маузера и браунинг, отнятый 6 января у Ленина”. Сколько невинных людей расстрелял бандит из пистолета вождя, история умалчивает...

У убитого была также найдена записная книжка. Одна короткая запись в ней свидетельствовала о том, что матёрый уголовник очень сожалел о том, что не убил Ленина той январской ночью в Сокольниках...

★
Николай СЫСОЕВ,
полковник запаса,
член Союза писателей России